T27 5/61

Т27 5/61

НАЧАЛО И ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКОВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ДАНІИЛА ПРИНЦА ИЗЪ БУХОВА,

СОВѢТНИКА

Августѣйшихъ Императоровъ Максимиліяна II и Рудольфа II и дважды бывшаго Чрезвычайнымъ Посломъ у Ивана Васильевича, Великаго Князя Московскаго.

СЪ ЛАТИНСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

Ив. А. Тихомировъ.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1877.

ДАНИЛЪ ПРИНЦЪ ИЗЪ БУХОВА.

T27

НАЧАЛО И ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКОВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ДАНІИЛА ПРИНЦА ИЗЪ БУХОВА,

СОВѢТНИКА

Августѣйшихъ Императоровъ Максимиліана II и Рудольфа II и дважды бывшаго Чрезвычайнымъ Посломъ у Ивана Васильевича, Великаго Князя Московскаго.

СЪ ЛАТИНСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

Ив. А. Тихомировъ.

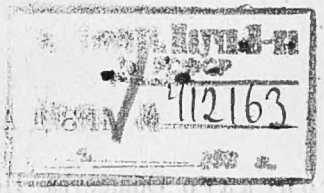
ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1876 г., кн. 3-я.


112163

ПРЕПОДОБНОМУ, ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ И ЗНАМЕНИТѢЙШЕМУ

ГОСПОДИНУ ІОАННУ,

Аббату святаго Цистерціянскаго ордена и главнаго и славнѣйшаго монастыря Любенскаго, достойнѣйшему Господину и Намѣстнику Соборной церкви у Св. Іоанна Лигницкаго и именитѣйшей киновіи Требницкой, постоянному Визитатору и непосредственному отцу, господину и милостивѣйшему своему покровителю, сочиненіе это о происхожденіи и возвышеніи Московіи Даніила Принца изъ Бухова посвящаетъ въ похвалу своей худости и нижайше къ стопамъ повергаетъ

Христофоръ Груберъ

Губенскій типографъ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВЪ,

содержащихся въ этой книгѣ.

Глава первая. О Князьяхъ Московскихъ и ихъ размноженіи, также о началѣ Ливонской войны 1

Глава вторая. О религіи Русскихъ 31

Глава третья. О пріемѣ и содержаніи Пословъ 47

Глава четвертая. Объ истинномъ значеніи слова «Царь» 58

Глава пятая. О бракѣ 62

Глава шестая. О законахъ 65

Глава седьмая. О нравахъ Русскихъ и образѣ жизни 67

Глава восьмая. О монетѣ 70

Глава девятая. О механическихъ искуствахъ и земледѣліи 71

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Благосклонный читатель! Въ 1578 году Августѣйшій и Могущественнѣйшій Императоръ Римскій, преславной памяти, Максимиліянъ II, послалъ къ царствовавшему тогда Великому Князю Московскому, Ивану Васильевичу, Рыцаря Нѣмецкаго Ордена, Господина Іоанна Кобенцеля изъ Проссега, и дѣда моего, Данила Принца изъ Бухова, обоихъ уже усопшихъ во Господѣ. Послѣдній, въ слѣдствіе всемилостивѣйшаго повелѣнія Его Величества, Императора Максимиліяна, составилъ эту краткую записку о Московскомъ Государствѣ въ девять главъ, но, предупрежденный смертью, не могъ отдать ее на судъ публики; по этому именно я, не желая обнародованіемъ медлить долѣе, и счелъ очень полезнымъ довести до свѣдѣнія о сказанномъ Государствѣ. Хотя я знаю, что Баронъ де Герберштейнъ также обнародовалъ описаніе Московіи, но, сравнивъ оба труда, ты увидишь, что положеніе Московіи измѣнилось на всемъ пространствѣ въ тотъ промежутокъ времени, въ который посѣщали Московію этотъ Баронъ Герберштейнъ и мой дѣдъ. Будь здоровъ!

заглавіемъ: „Moscoviae ortus et progressus“. Въ ней Принцъ сообщаетъ много любопытныхъ данныхъ, касающихся Русскихъ и Россіи того времени. Изложенныя здѣсь свѣдѣнія добыты частію собственными наблюденіями его, частію заимствованы изъ разсказовъ людей достойныхъ вѣры („распросивши достопочтеннѣйшихъ мужей.... мы слышали.... узнали отъ людей достойныхъ вѣры“:... выраженія часто встрѣчающіяся въ его сочиненіи и доказывающія личныя сношенія съ Русскими); наконецъ, какъ членъ Суда среди Чеховъ и владѣлецъ Чешскихъ имѣній Фалькенау и Кросена, онъ зналъ Чешскій языкъ, а отсюда и Русскій, а пониманіе Русскаго языка дозволило ему пользоваться Русскими книгами; на это указываютъ слѣдующія его выраженія: „какъ они (Русскіе) пишутъ въ своихъ книгахъ.... въ лѣтописяхъ ихъ почти нѣтъ упоминаній.... перевелъ, какъ могъ, съ Русскаго“.... Свѣдѣнія о Ливонскихъ дѣлахъ онъ почерпнулъ изъ архивовъ и лѣтописей, а также и изъ разсказовъ достопочтеннѣйшихъ мужей.

Сочиненіе Принца важно для Русской Исторіи, такъ какъ въ немъ сообщается много такого, чего не сообщаютъ другіе иностранцы, писавшіе о Россіи. Многое изъ сообщеннаго имъ отчасти сохранилось и до настоящаго времени во многихъ мѣстностяхъ Россіи, что лучше всего подтверждаетъ справедливость его извѣстій; таковы, на пр., описаніе религіозныхъ и народныхъ обычаевъ, замѣтки о земледѣліи и образѣ жизни Русскихъ и проч. Наконецъ сочиненіе его важно еще и по тому, что въ немъ передаются нѣкоторые отрывки изъ документовъ, именно: Письма Ивана IV къ Посламъ и Кетлера къ Принцу.

Принцъ умеръ въ Силезіи, въ Вратиславѣ (Бреславлѣ), въ 1608 году. Чрезъ 60 лѣтъ послѣ его смерти, именно въ 1668 году, издано было его сочиненіе, тоже въ Силезіи, въ

Нисѣ (Нейсѣ), типографомъ Игн. Констант. Шубартомъ, потомъ было сдѣлано три изданія въ Губенѣ: въ 1679 году его внукомъ, Барономъ Адамомъ Леопольдомъ Принцемъ, въ 1681 году типографомъ Христофоромъ Грубером, и въ 1687 году.

Что касается до переводовъ этого сочиненія на Русскій языкъ, то, къ сожалѣнію, Русская словесность не богата ими. Въ первый разъ познакомилъ Русскихъ съ сочиненіемъ Принца покойный П. М. Строевъ. Въ „Ураніи“, сборникѣ, изданномъ Погодинымъ на 1826 годъ, въ статьѣ: „Отечественная старина“ (243—259 стр.), онъ сдѣлалъ извлеченіе изъ VII — IX главъ означеннаго сочиненія. О своемъ переводѣ Строевъ говоритъ: „Я нѣсколько сократилъ, индѣ переставилъ, иное пояснилъ (въ примѣчаніяхъ), но разсказалъ точными словами автора“ (243, 244). Въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1845 годъ № 1-й, стр. 40—56 переведена вся третья глава этого сочиненія И. Сн. Оба перевода сдѣланы съ Губенскаго изданія 1679 года; настоящій переводъ тоже сдѣланъ съ Губенскаго изданія 1681 года, перепечатаннаго въ „Scriptores rerum Livonicarum“ т. II, pag. 687—728.

И. Т.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Князьяхъ Московіи и ихъ размноженіи; также о началѣ Ливонской войны.

Въ какое время Сарматы, которые суть Славяне, заняли Россію, не извѣстно; извѣстно, однако же, что древнее жилище ихъ было именно въ этихъ мѣстахъ. А такъ какъ они жили разсѣянно въ столь великихъ пустыняхъ этой страны, не имѣя никакой религіи, ни письменности, или законовъ, вели жизнь по образу дикихъ звѣрей и не оставили послѣ себя никакихъ памятниковъ, то и съ ними случилось то же, что и съ другими народами, о которыхъ мы либо не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ, либо имѣемъ баснословныя. Я же, въ слѣдствіе многихъ догадокъ, полагаю, что Русскіе населили эту страну еще до Леха, родоначальника Польскаго племени; а что говорятъ о дѣтяхъ и внукахъ его, отъ которыхъ Россія получила свое названіе, то я думаю, что это не имѣетъ никакой достовѣрности.

Среди такого варварства, которое въ тѣ времена обнимало какъ эти, такъ и другія, мѣста, люди дикіе, живущіе разсѣянно, собрались оттуда и отсюда въ одну толпу и, выстроивъ близко дома, производили у себя судъ по законамъ природы, вмѣсто произвола. Отъ этого разсѣянія Россія случайно и получила названіе, какъ утверждаютъ сами Москвитяне, которые называютъ свою страну Россеей (Rosseiam). И это очень справедливо, по тому что она занимаетъ въ длину и ширину громаднѣйшее пространство: отъ Понта Эвксинскаго до моря Балтійскаго и, такъ называемаго, Ледовитаго. Новгородъ и Псковъ, города самые знаменитые на Сѣверѣ и расположенные въ самыхъ удобныхъ мѣстахъ, суть и самые древніе изо всѣхъ. Когда ихъ жители узнали, что сосѣднія

племена управляются своими начальниками, то и сами также стали думать объ учрежденіи нѣкотораго порядка. По этому правдоподобно, что Гостомыслъ (Gossomislius), Новгородскій гражданинъ, который, развозя товары въ разныя мѣста, узналъ нравы другихъ людей и превосходилъ образованностію и благоразуміемъ остальныхъ согражданъ, посовѣтовалъ имъ призвать къ себѣ изъ Варяговъ (a Varegis), обитавшихъ у Балтійскаго моря, какого ни будь Князя, съ тѣмъ, чтобы онъ правилъ ими.

Тогда во многихъ мѣстахъ жили, хваставшіеся Римскимъ происхожденіемъ и гражданствомъ, по тому что весьма многіе, во время междоусобныхъ войнъ, боясь могущества побѣдителей, или будучи не въ состояніи смотрѣть на гибель отечества, занесенные путешествіемъ въ разныя мѣста, искали себѣ добровольной ссылки и новыхъ жилищъ. То же самое случилось вскорѣ потомъ, когда варварскіе народы наводнили Италію. Такъ Длугошъ, писатель Польскихъ лѣтописей, сочиненіе котораго имѣется только въ нѣкоторыхъ семействахъ въ рукописи, передаетъ, что во время гражданской войны, бывшей между Цезаремъ и Помпеемъ, одинъ Римскій отрядъ, оставивъ Италію, поселился у береговъ Венедскаго залива (Venedici Sinus), и тамъ основавъ городъ, назвалъ его, по имени Рима, Romone: онъ долго былъ столицей этого племени. Такимъ образомъ вся Walachia Theodosia, также городъ въ Херсонесѣ Таврическомъ, который теперь называется Кафою, суть поселенія, первая Римлянъ, а послѣдняя Генуэзцевъ.

Итакъ, когда изъ того же самого племени очень многіе поселились также среди Варяговъ, т. е., прибрежныхъ жителей Балтійскаго моря, которое Русскіе называютъ Варяжскимъ моремъ (Varegum mare), то Гостомыслъ убѣдилъ призвать къ власти или управленію изъ тѣхъ трехъ братьевъ, о честности и благоразуміи которыхъ было отличное мнѣніе. Это были: Рюрикъ (Rureck), Синавъ (Sinaius) и Труворъ (Truior). Происхожденіе ихъ Русскіе относятъ къ Кесарю Августу. На сколько это достовѣрно, пусть судятъ другіе; ибо въ ихъ лѣтописяхъ, списокъ которыхъ они, однако, съ трудомъ даютъ нашимъ землякамъ, написано: братъ Августа, Прусъ (Prussus), поселился у Балтійскаго моря и Вислы и далъ имя Пруссіи; сообщаютъ также, что онъ овладѣлъ замками Мамборокомъ (Mamborock), вѣроятно Маріенбургомъ (Marieburgum), называемымъ Поляками Мальбургомъ (Malburg), Торунемъ (Turonium) и Гданскомъ (Gedanum), у рѣки Нѣмана (Nemon). Отъ Пруса, въ четвертой степени или поколѣніи, произошли вотъ эти братья: имена ихъ не

имѣютъ даже слѣда Римскаго происхожденія; вѣроятно, хотя у нихъ и были предки Римскаго происхожденія, однако, какъ часто случается, они уже усвоили себѣ и нравы и имена тѣхъ, съ кѣмъ жили. Но на это они обращаютъ вниманіе особенно для того, чтобы Князьямъ своимъ, по причинѣ столь знаменитаго происхожденія ихъ рода, придать больше блеска и достоинства. Итакъ они призваны Русскими, по Греческому счисленію въ 6370 году отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова въ 862 году, когда у Поляковъ, по Божескому попущенію, по смерти Попела (Popilio) начальствовалъ Пястъ (Piastus), человѣкъ простой, призванный съ поля къ верховной власти. Такъ какъ они не отказали въ просьбѣ, то Рюрикъ сѣлъ въ Новѣгородѣ (Novogardia), Синавъ занялъ Исковъ (Plescoviam), пребываніе же имѣлъ въ одномъ сосѣднемъ замкѣ Изборскѣ (Isbrock), а Труворъ сѣлъ у Бѣлаго озера (ad Album lacum). По смерти бездѣтныхъ Синава и Трувора преемствовалъ имъ Рюрикъ, и правленіе, прежде распадавшееся на три части, теперь сосредоточилось въ однѣхъ рукахъ, пока наконецъ Рюрикъ не умеръ, оставивъ послѣ себя сына Игоря, (Igor), который, будучи, по причинѣ возраста, еще не способнымъ къ управленію, имѣлъ опекуномъ двоюроднаго брата по матери (sobrinum), Олега (Olechum), пришедшаго съ ними въ эти страны; при пособіи его, онъ совершилъ великіе подвиги и чрезвычайно распространилъ предѣлы своего государства. Возросши, онъ вступилъ въ супружество съ Ольгою (Olha), дочерью Псковскаго гражданина, отъ которой имѣлъ сына Стослава или Святослава (Stoslaum seu Suatoslaum); предпринявъ походъ въ Гераклею (Heracleam) и Никомидію (Nicomediam) и, обращенный въ бѣгство, онъ былъ убитъ Малдитомъ, Древлянскимъ Княземъ (a Malditto, Dreulianorum principe). Сами Русскіе утверждаютъ, что было время, когда Ливонцы назывались Древлянами (Dreulianorum nomine) или Древенцами (Drewensium), отъ множества лѣсовъ. Итакъ, если они имѣли своихъ Князей, то я не знаю, на сколько основательно то, что Великій Князь Московскій величаетъ себя наслѣдственнымъ государемъ Ливоніи; да и то также не опирается ни на какомъ свидѣтельствѣ, были ли тѣ братья владѣтелями Пруссіи, по тому что легко доказать можно противное.

Когда Ольга отмстила разными способами смерть Игоря и отклонила супружество, котораго сильно желалъ Малдитъ, то отправилась въ Константинополь, и тамъ приняла святое крещеніе при Константинопольскомъ Императорѣ (rege) Іоаннѣ и, по пере-

мѣнѣ имени, названа была Еленой (Helena) что, пишутъ, происходило въ 6473 году отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова въ 955 году. Благочестіе этой женщины было столь велико, а святость ея жизни была такова, что послѣ смерти она причислена къ лику Святыхъ (inter Divos).

Сынъ ея, Святославъ, склонный ко всякой жестокости, хотя мать настоятельно заботилась объ его спасеніи, не могши, однако, склонить его къ принятію Христіянской Вѣры, всецѣло предался воинскимъ занятіямъ, посредствомъ которыхъ онъ расширилъ свои предѣлы. Итакъ, отправившись къ Дунаю, онъ побѣдилъ Болгаръ, покорилъ своей власти и большую часть Греціи (Graeciae), наконецъ былъ убитъ изъ засады Печенѣжскимъ Княземъ, Куромъ (a Cure), который изъ его черепа сдѣлалъ себѣ чашу, на которой были написаны слѣдующія слова: «Чища чужое, теряетъ свое.» Онъ оставилъ трехъ сыновей: Ярополка (Jeropolchum), Олега (Olegam) и Владимира (Wladimirum) отъ Малуши (Maluicha), дочери Новгородскаго гражданина, которая жила въ теремѣ матери. Еще при жизни раздѣлилъ онъ имъ свои владѣнія: Ярополку далъ Кіевъ (Kyoviam), Олегу Древлянъ (Dreülianos), Владимиру Новгородъ (Novogardiam).

Ярополкъ, подстрекаемый Свенельдомъ (Suadolfi), сына котораго умертвилъ, пошелъ войною на брата своего, Олега, и обратилъ его въ бѣгство, при чемъ, свалившись съ моста, послѣдній погибъ.

И такъ какъ Владимиръ боялся той же самой участи, то онъ, полагаясь на древнее кровное родство, убѣжалъ къ друзьямъ своимъ, и тамъ, собравши дружину, возвратился въ отечество.

Осадивши Кіевъ, пребываніе брата своего, Ярополка, онъ вскорѣ покорилъ его своей власти. Ярополкъ убѣжалъ въ другую крѣпость, но когда, убѣжденный совѣтникомъ своимъ, Блудомъ (Bludi), покориться брату, вышелъ изъ онаго, тотчасъ былъ убитъ въ глазахъ Владимира двумя Варягами. Владимиръ взялъ себѣ жену брата: да не покажется удивительнымъ, что дѣти отъ этой и другихъ наложницъ погибли отъ междоусобнаго оружія, какъ объ этомъ будетъ сказано немного послѣ.

Владимиръ, сдѣлавшись государемъ (monarcha) всей Руси, одаренный возвышеннымъ умомъ, усердно занялся великими дѣлами, велъ много войнъ и покорилъ себѣ большую часть Греціи.

Почувствовавъ, наконецъ, отвращеніе къ языческой вѣрѣ и множеству боговъ, которыхъ велѣлъ было почитать въ Кіевѣ, онъ началъ склоняться къ Христіянской религіи. Чтобы сдѣлать это

удобнѣе, онъ отправилъ посольство къ Василію и Константину, Царямъ Константинопольскимъ, и просилъ выдать за него замужъ ихъ сестру, Анну, что̀ если сдѣлаютъ, то обѣщалъ со всѣмъ своимъ народомъ принять Христіянство. Условіе принимается и назначается въ Греціи мѣсто городъ Корсунь (Urcorsun), куда должны сойтись тѣ и другіе. И по тому Владиміръ, взявъ за себя замужъ Анну, просвѣщается святымъ Крещеніемъ Церкви и, перемѣнивши имя, называется Василіемъ, въ 988 году отъ Рождества Христова. Съ этого времени Русскіе остались въ Христіянской вѣрѣ.

Русскіе утверждаютъ, что Константинопольскіе Цари прислали чрезъ Митрополита Владиміру, не знаю, какую-то Императорскую шапку съ оплечьемъ, носящую названіе Мономаха, и что по этой причинѣ нѣкоторые, происходящіе отъ Владиміра, по справедливости называются Царями.

Владиміръ оставилъ двѣнадцать сыновей, однихъ отъ супруги Анны, другихъ отъ наложницъ, между коими онъ подѣлилъ всю Русь: Вышеславу (Viseslao) онъ назначилъ Новгородъ Великій, Изяславу (Isoslao) Полоцкъ (Polocko), Святополку (Suatopalco) Туровъ (Turovia). Ярославъ, послѣ смерти брата Вышеслава, получилъ Новгородъ, Борису данъ былъ Ростовъ (Rostovia), Глѣбу Муромъ (Muromia), Святославу Древская (Drevensis) страна, Всеволоду (Uszevolodo) Владиміръ (Vlodimiria), Мстиславу (Mscislao) Астрахань (Astracanum), Станиславу Смоленскъ (Smolensco), Судиславу Псковъ (Plescovia). Двѣнадцатый Позвиздъ (Poduis) умеръ, не достигши совершеннолѣтія. Такъ какъ законные и настоящіе сыновья считали себя могущественнѣе остальныхъ и, кромѣ того, согласіе между братьями бываетъ рѣдко, то большая часть изъ нихъ погибла отъ междоусобнаго оружія.

Среди этихъ распрей Кіевомъ завладѣлъ наконецъ Святополкъ (Suntopolcus), но, изгнанный оттуда братомъ, Ярославомъ, онъ былъ возстановленъ Болеславомъ, Княземъ (duce) Польскимъ, однако, спустя немного, Ярославъ снова овладѣлъ Кіевомъ и удержалъ его за собой. Изяславъ имѣлъ трехъ сыновей: Мстислава (Micislauum), Святополка (Stopolcum) и Дрополка (Dropolcum), а Ярославъ четырехъ: Владиміра, владѣвшаго Новгородомъ, Изяслава—Черниговомъ, Вячеслава—Смоленскомъ и Всеволода—Переяславлемъ (Pereuslavia). Сыновья Всеволода были Ростиславъ (Rascislauus) и Владиміръ. Этотъ послѣдній, послѣ различныхъ споровъ и взаимныхъ изгнаній, снова сдѣлался государемъ и мономахомъ (monomachus) Россіи. Онъ имѣлъ восемь сыновей: Мстислава (Micislauum), которому уступилъ

Кіевъ, Изяслава, Святослава, Ярополка, Вячеслава, Романа, Георгія, Андрея. Сыновья Георгія были: Ростиславъ (Rosseslauus), Андрей, Василій, Димитрій, по прозванію Всеволодъ (Wszevoldus).

Отъ этого послѣдняго родился Георгій, который въ 1237 отъ Рождества Христова былъ убитъ Батыемъ (a Bato), Татарскимъ полководцемъ, покорившимъ подъ свою власть опустошенную Московію. Съ этого времени Русскіе, въ теченіи многихъ лѣтъ, были данниками Татаръ и по ихъ опредѣленію ставили себѣ Князей. Каково было могущество Татаръ, которые въ исторіяхъ называются Скиѳами, это къ величайшему вреду сдѣлалось извѣстнымъ и нашимъ народамъ, жившимъ около этого времени; не малыя доказательства тому можно еще и теперь видѣть тамъ и сямъ. Вышедши изъ Азіятской Скиѳіи, которую и нынѣ населяютъ Татары, и покоривши Россію, Батый сначала опустошилъ Польшу, въ которой большую часть городовъ нашелъ безъ жителей, а за тѣмъ Силезію. Сжегши Вратиславь (Vratislavia) и приблизившись къ границамъ Лигницкимъ (in oram Lignicensem), онъ вступилъ въ бой съ Княземъ Генрихомъ, къ которому пришли на помощь очень многіе Польскіе вельможи и Магистръ Прусскаго ополченія (Prutenicae militiae). Какъ велико было пораженіе нашихъ, доказательствомъ служитъ то, что непріятели наполнили девять огромныхъ мѣшковъ одними ушами, которыя они отрѣзали у убитыхъ. Что же касается до этой побѣды, то Татары, какъ говорятъ о томъ прямо исторіи, воспользовались, не знаю, какими-то волшебными средствами. Ибо, изобразивши на знамени, на которомъ была написана буква X, подобіе человѣческой головы, испускавшее кружившееся преотвратительное зловоніе, они несли его противъ нашихъ, и внушили имъ такой страхъ, что тѣ, словно отъ головы Медузы, обратились въ колья и побросали свое оружіе. Тѣло самаго Князя Генриха едва было найдено между трупами убитыхъ по лѣвой ногѣ съ шестью пальцами; по приказанію матери Гедвиги, женщины знаменитой большой святостью, оно было принесено въ Требницкій (Trebnicense) монастырь, построенный ею на свои средства, и предано землѣ въ этой обители, получившей свое имя отъ Святаго Іякова, а теперь, по перемѣнѣ, въ слѣдствіе извѣстныхъ причинъ, имени, посвященной Св. Викентію. Гробницы прочихъ Князей, павшихъ въ битвѣ, еще и до сего дня видны въ другихъ священныхъ мѣстахъ Силезіи. Послѣ этого Батый опустошилъ грабежемъ и пожарами также Угрію при царствовавшемъ тогда Белѣ IV: выступившій противъ него Король

былъ разбитъ на голову и спасшись съ братомъ своимъ бѣгствомъ, едва избѣжалъ рукъ непріятелей. Батый имѣлъ сына, Тамерлана (Tamerlanam), котораго Москвитяне называютъ Темиръ-Кутлукъ (Temir Kulta); изъ исторіи извѣстно, какой онъ блескъ придалъ своему народу однимъ только тѣмъ, что возилъ съ собой Турецкаго Султана, Баязета, заковавъ его въ золотыя цѣпи.

Такъ какъ въ то время, по причинѣ столь тяжкихъ вторженій варварскихъ народовъ, почти вся Европа находилась въ величайшемъ страхѣ, то Папа Иннокентій IV, отправивши, въ 1246 году отъ Рождества Христова, посольство къ Батыю, добился пятилѣтняго мира, и хотя онъ увѣщевалъ его оставить нечестивыя суевѣрія, которымъ тотъ былъ преданъ, и эту варварскую жестокость, присоединиться къ Христу и принять его святую религію, однако этими увѣщаніями ничего не достигъ. Ибо немного спустя, по убѣжденію и внушенію Сарацынъ, онъ склонился къ ученію Магомета, которое Татары исповѣдуютъ даже до нынѣшняго дня.

Но возвратимся къ Россіи. Братья Георгія, о которомъ мы сказали, что онъ былъ убитъ, овладѣли Княжествами (ducatus): Ярославъ Владимирскимъ, Святославъ Суздальскимъ, Иванъ Стародубскимъ (Starodubium). Родъ ихъ въ послѣдующіе годы разросся до того, что цѣлая Россія изобиловала Князьями. Ярославъ, братъ Георгія, имѣлъ сыновей: Ѳеодора, Александра и Андрея. Александръ, за побѣду, одержанную надъ Ливонцами у рѣки Невы, названъ былъ Невскимъ (Nevensis). У него были четыре сына: Василій, Дмитрій, Андрей, Даніилъ. Между тѣмъ какъ остальные владѣли Кіевомъ, Смоленскомъ, Полоцкомъ, Даніилъ перенесъ свое пребываніе въ городъ Москву (Moscoviam), построилъ въ ней мрачный замокъ и первый принялъ титулъ Великаго Князя Московскаго. Онъ оставилъ пять сыновей: Георгія, Александра, Бориса, Ивана и Офонію (Ophoniam). Иванъ былъ прозванъ Калитою (Kaleta) за то, что постоянно носилъ съ собою калиту (peram), изъ которой раздавалъ милостыню бѣднымъ. Дѣти его были: Симеонъ, Иванъ, Андрей. Симеону были назначены Владиміръ и Москва. По смерти его бездѣтнымъ, ему наслѣдовалъ Иванъ, который тоже получилъ прозваніе Калиты за то, что подражалъ отцу въ щедрости. Сынъ его, Дмитрій, оставилъ семь сыновей: Даніила, Василія, Георгія, Андрея, Петра, Ивана, Константина. Послѣ отца управлялъ Василій: онъ, отказавшись изъ за матери, которую подозрѣвалъ въ прелюбодѣяніи, отъ сына Василія, при смерти передалъ государство брату Георгію. А

такъ какъ въ то время Русское Государство было доведено до того, что оно ставило себѣ Князя по волѣ Татаръ, то сынъ Василій отправился къ ихъ Царю Магомету (Machometum), преклонилъ предъ нимъ колѣна, жаловался на нанесенную ему обиду и на то, что, вопреки праву и справедливости, онъ лишенъ законнаго преемства. Хотя же онъ доказывалъ то, о чемъ просилъ, тѣмъ не менѣе до самой смерти дяди онъ довольствовался частью, назначенной ему отцомъ. Когда же дядя при смерти, обошедши сыновей, Андрея и Дмитрія, назначилъ преемникомъ себѣ и Государемъ этого племянника, то они, изъ ненависти къ двоюродному брату, подняли противъ него войну, и наконецъ, захвативши его военною хитростію, ослѣпили. Тѣмъ не менѣе Бояре (Bojarones), какъ Москвичи называютъ своихъ вельможъ, держа слово своему слѣпому Князю, отстаивали его, до того, что двоюродные братья, не получивши власти, въ страхѣ принуждены были позаботиться о себѣ и бѣжали. Этотъ Василій, по прозванію Темный (Cziemno), т. е., слѣпой, оставилъ сына Васильевича (Basilidem), который, одаренный великимъ духомъ, чрезвычайно распространилъ свое государство къ востоку и за тѣмъ мало по малу присоединилъ къ себѣ обширнѣйшія области. Дѣти и внуки прежнихъ Князей, владѣвшіе различными, назначенными имъ, областями, также подчинились ему; не много послѣ, чтобы они не препятствовали его могуществу, онъ постепенно умертвилъ ихъ, а имущества и богатства ихъ захватилъ себѣ. Онъ первый принялъ титулъ Великаго Князя Владимирскаго, Московскаго и Новгородскаго и назвалъ себя Государемъ (monarcham) всея Руси. Онъ началъ войну съ Поляками по той причинѣ, какъ онъ говорилъ, что они худо обращались съ его дочерью, Еленою, выданною за Великаго Князя Литовскаго, Александра, который, по смерти брата, сдѣлался также и Польскимъ Королемъ, и за то, что она была совращена отъ Греческой Вѣры къ обрядамъ Церкви Латинской. Онъ тоже покорилъ Псковъ, который одинъ только во всей Московіи окруженъ стѣною, и Новгородъ, города, по причинѣ торговли (ob mercimonia), огромнѣйшіе и богатѣйшіе, которые, покоренные, въ 1430 году отъ Рождества Христова, Витовтомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, находились подъ властію Литовцевъ около пятидесяти лѣтъ. Богатства Новгорода были такъ велики, что, говорятъ, онъ отправилъ оттуда триста возовъ, нагруженныхъ золотомъ и серебромъ.

Такъ какъ онъ первый началъ войну съ Ливонцами, то я ду-

маю, что ненапрасенъ будетъ трудъ, если я, въ короткихъ словахъ, приведу истинную причину этого, какъ я узналъ ее изъ архивовъ начальствующихъ мужей и изъ древнѣйшихъ лѣтописей. Такъ какъ онъ пылалъ невѣроятною страстію къ распространенію своего государства, и очень хорошо зналъ, что Ливонія страна чрезвычайно образованная и многолюдная, то онъ и желалъ подчинить ее себѣ войною. Въ то время въ Новгородѣ былъ величайшій торгъ, куда Нѣмцы привозили свои товары въ большомъ количествѣ и на нихъ вымѣнивали тѣ, которыми изобиловала Россія. И по этому въ Россіи жило много Нѣмцевъ, и не меньше въ Нѣмецкихъ приморскихъ городахъ—Русскихъ. И отъ этого между ними случалось, что, буде Русскій провинится въ Германіи, то онъ наказывался по письменнымъ законамъ той мѣстности; точно также и Нѣмцы въ Россіи были подчинены законамъ этого народа на равномъ основаніи, что, какъ пишутъ, утвердилъ и самъ Московскій Князь (Moscus) своей грамотой, къ которой была привѣшена золотая печать. Такимъ образомъ когда въ Ревелѣ какой-то Русскій сталъ поддѣлывать монету, а другой знатнаго происхожденія, вопреки природѣ, содомилъ со скотомъ, и когда тотъ и другой были, по требованію нашихъ законовъ, преданы смертной казни, то, по этой причинѣ, Московскій Князь пришелъ въ чрезвычайное негодованіе, и всѣхъ торговавшихъ въ Новгородѣ купцовъ заковалъ въ цѣпи, а имущество ихъ взялъ въ свою казну. Отъ Ливонцевъ же потребовалъ онъ съ великою суровостью выдать ему Ревельскаго Бургомистра съ Синдикомъ (consul cum praetore), которые осудили на смерть его подданныхъ за незначительные, какъ онъ думалъ, проступки. Противъ Бургомистра, говорятъ, онъ былъ возбужденъ еще и по тому, что тотъ принялъ, сидя у стола, его грамоту и не воздалъ онъ почтенія тѣмъ, что не всталъ. И такъ въ столь сильномъ гнѣвѣ онъ приказалъ сдѣлать себѣ серебряное изображеніе замка и города Ревеля, поставить на столъ вмѣстѣ съ другою серебряною утварью, чтобы, находясь предъ глазами, оно тѣмъ больше возбуждало его къ мести. Потомъ, въ 1492 году, онъ, при пособіи Греческихъ и Итальянскихъ мастеровъ, съ величайшей быстротой выстроилъ у рѣки Нарвы весьма крѣпкій замокъ, который назвалъ, по своему имени, Иваньгородомъ (Ivanogorod), такъ сказать, крѣпость Ивана.

У другого берега рѣки (Нарвы) Магистры Ливонскіе имѣли также свою, за много лѣтъ прежде выстроенную, крѣпость и при ней городъ, который, по причинѣ сосѣдства съ моремъ и удобства мѣст-

ности, какъ и большая часть Ливонскихъ городовъ, имѣлъ жителей довольно богатыхъ. Нельзя сказать, какъ много обижали ихъ Русскіе изъ своего за́мка, какую жестокость выказывали они относительно тѣхъ, кого могли захватить, такъ какъ они причиняли всевозможное безчестіе, не обращая никакого вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Хотя Шведскій Король спустя немного вооружился противъ такой тиранніи и занялъ эту крѣпость, желая передать ее Магистру Нѣмецкаго Ордена, однако такой наведенъ былъ на всѣхъ страхъ, что послѣдній боясь, чтобы еще болѣе не раздражить Московскаго Князя, не захотѣлъ принять ее. И когда Шведскій Король возвратился къ себѣ съ богатой добычей и, по причинѣ разстоянія, отдѣляющаго его Государство отъ этого мѣста, не могъ занять его войскомъ, то Русскіе, вскорѣ возвратившись, сдѣлали это укрѣпленіе еще болѣе красивымъ и болѣе защищеннымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ обратились и къ прежней жестокости. А такъ какъ они дѣлали непріятности также и другимъ, сосѣднимъ съ ними, Ливонцамъ, то изъ за ничтожныхъ причинъ, какъ обыкновенно часто случается, возгорѣлась потомъ справедливая и продолжительная война. И Ливонцы, чтобы удобнѣе выдержать ее, просили помощи у сосѣднихъ Государей (regibus), Князей (principibus), а также у приморскихъ городовъ, которую и получили они безъ большаго труда. Ибо они очень основательно разсуждали, что силы этого новаго врага слѣдуетъ уничтожить при самомъ началѣ возрастающаго могущества, чтобы онъ потомъ не угрожалъ ихъ владѣніямъ. О, если бы они всегда пребывали при такомъ мнѣніи!

Въ это также время Васильевичъ громилъ войною Литву за то, какъ сказано было, что онъ узналъ, что худо обращаются съ его дочерью, которую онъ выдалъ въ замужество за Александра, Великаго Князя Литовскаго. Послѣдній отправилъ посольство къ Вильгельму Плеттенбергу (Guilielmum Platebergium), Магистру Ордена и заключилъ съ нимъ союзъ на томъ условіи, чтобы каждый изъ нихъ велъ отъ своихъ границъ войну съ Московскимъ Княземъ. По тому что они надѣялись, что легко можно сокрушить его могущество, если только онъ будетъ занятъ нѣсколькими войнами.

И такъ Рижскій Архіепископъ и Магистръ Ливонскій, чтобы не упустить случая къ счастливой войнѣ, недолго медля, набираютъ войска и, какъ согласились, приводятъ къ предѣламъ Руси четыре тысячи конницы и двѣ тысячи пѣхоты. А когда Алек-

сандръ, по смерти брата, вступилъ въ управленіе Польскимъ Королевствомъ, то онъ заключилъ миръ съ тестемъ, отъ котораго, однако, онъ потерпѣлъ не мало обидъ, и отказался отъ союза, заключеннаго съ Ливонцами. Тѣмъ не менѣе Татары, съ которыми Александръ учинилъ сдѣлку, переправившись черезъ Донъ, приблизились къ Московскимъ границамъ съ восьмьюдесятью тысячами людей; когда же Литва заключила миръ, они принуждены были отступить съ большою потерею. Не смотря на то Ливонцы, которые присоединили къ себѣ также большой отрядъ крестьянъ (rusticorum manum), испросивши помощь Божію и получивши благословеніе отъ Юрьевскаго (Дерптскаго) Епископа, выступили въ поле и встрѣтили предъ собою семьдесять тысячъ Русскихъ легко вооруженныхъ всадниковъ.

Убѣждая себя взаимными увѣщаніями къ храбрости и сошедшись, они весьма сильно сражаются, наносятъ большое пораженіе и обращаютъ въ бѣгство остальныхъ, а о своихъ очень жалѣли, хотя и о не многихъ. Русскіе, какъ послѣ узнали отъ плѣнныхъ, подступили къ Ливоніи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы всю ее покорить своей власти, но, обманутые въ этомъ ожиданіи, бросили весь обозъ и обратили тылъ. Ливонцы, воспользовавшись этимъ счастливымъ успѣхомъ дѣлъ, вступаютъ въ Московію приблизительно на 22,000 шаговъ, все опустошаютъ и сожигаютъ укрѣпленнѣйшіе замки Изборскъ и Островъ (Iseburgum et Ostroviam). Было положено, чтобы къ Острову пришли съ войскомъ Литовцы; но когда Ливонцы тщетно прождали нѣсколько времени и войско ихъ, по причинѣ нездоровой пищи и воды, страдало, всячески нуждаясь въ продовольствіи, то они отступили въ свои предѣлы. И по этому Московскій Князь, мстя за причиненныя ему обиду и позоръ, въ тотъ же годъ, предъ началомъ мѣсяца Ноября, посылаетъ на Ливонію безчисленное войско и найстрожайше поручаетъ ему пустошить ее огнемъ и разграбить; а кто бы возвратился безъ этого, грозитъ повѣшеніемъ, чѣмъ отнимаетъ всякую надежду на возвращеніе. И такъ, разлившись большими толпами, они съ величайшею скоростію доходятъ до Риги, столицы Ливоніи, опустошаютъ блестящую область пожарами и всякими дурными способами, расхищаютъ замки и храмы, свирѣпствуютъ надъ людьми всякаго возраста самымъ жестокимъ образомъ и большое ихъ множество уводятъ въ несчастнѣйшее рабство. Утверждаютъ, что и враговъ было убито тоже большое число; ибо передаютъ, что, при осадѣ замка Гемельтаны (Hemeltanae) пало пятнадцать тысячъ

человѣкъ, вмѣстѣ съ полководцемъ Александромъ Добеленскимъ (Alexandro Dobelenscio). Архіепископъ Рижскій и Магистръ Ордена видѣли, что Московскій Князь ни сколько не успокоится, но какъ скоро будетъ въ состояніи собраться съ силами, вторгнется опять и причинитъ имъ непріятность. И по тому, хотя силы ихъ были истощены и казна пуста, однако, побуждаемые самою необходимостью, они всѣ помыслы устремляютъ на новую войну и собираютъ, по меньшей мѣрѣ, двѣ тысячи конницы и разнообразную толпу пѣхоты и деревенскихъ жителей, и въ Августѣ мѣсяцѣ 1502 года отправляютъ это войско на Псковское поле (in agrum Plescoviensem). Хотя Король Польскій опять было подалъ имъ надежду на то, что приведетъ имъ свое войско, однако онъ не устоялъ въ этихъ обѣщаніяхъ; это обстоятельство произвело не малую скорбь между знатнѣйшими мужами. Когда они добывали продовольствіе у города Пскова, то схватили двухъ стариковъ, замѣчательныхъ по сѣдымъ бородамъ, которые, приведенные къ Магистру Ордена, показали, что Великій Князь собралъ для войны съ Ливонцами изъ всѣхъ областей, какія имѣлъ, Русскихъ вмѣстѣ съ Скиѳами, и что онъ всецѣло рѣшился всю ихъ область покорить своей власти; по этому Магистръ узнавъ, что это войско находится въ сосѣдствѣ, выводитъ свои войска на открытую равнину у города, съ цѣлью выждать тамъ непріятеля. Москвитяне, обѣщая себѣ вѣрнѣйшую побѣду, по причинѣ превосходства силъ, думали, что не нужно будетъ сражаться; по тому они привезли для связыванія Ливонцевъ много веревокъ, оковъ и другихъ кандаловъ того же рода. Одержавши побѣду, они ни сколько не сомнѣвались въ томъ, что очень легко могутъ покорить подъ свою власть всю Ливонію. Но конь устроивается ко дню войны, отъ Егова же исходитъ счастіе, сказалъ мудрѣйшій Царь Соломонъ. Ибо Ливонцы, не дожидаясь ихъ прихода, по взаимномъ увѣщаніи храбро сражаться, или храбро пасть, за благосостояніе Христіянскаго государства, и испросивши многими молитвами Божьей помощи, выступаютъ противъ Русскихъ съ тѣмъ, какъ я сказалъ, намѣреніемъ, чтобы или побѣдить, или отъ ранъ достигнуть прекрасной смерти. Русскіе, удивившись ихъ дерзости, окружаютъ конницу со всѣхъ сторонъ, съ цѣлью, отрѣзавъ всякій случаи къ бѣгству, истребить всѣхъ до одного. И дѣйствительно, пѣхота ихъ, страшась подобной участи, немного подалась назадъ, совершенно отчаяваясь въ спасеніи. Но такова была храбрость Ливонцевъ, таково мужество, что они три раза прорывали Русское войско, предавая смерти всѣхъ, попадавшихся на встрѣчу и обращая

въ бѣгство. Но сами въ большомъ утомленіи, въ крови, въ пыли потерявши не много изъ своихъ, возвратились къ пѣхотѣ и были встрѣчены ею съ великою радостію. Широко растилающіяся поля, покрытыя трупами, довольно и предовольно свидѣтельствовали, что нанесено было величайшее пораженіе непріятелямъ. Рижскій Архіепископъ чуть было тогда не попалъ во власть непріятелей, если бъ не былъ истергнутъ изъ опасности начальникомъ войскъ, Іоанномъ Платтенскимъ. По причинѣ столь славной побѣды, бывшей просто чудомъ, соборъ Священниковъ постановилъ ежегодно совершать по всей Ливоніи благодарственные молебны 14 Сентября, въ день, посвященный Воздвиженію Креста Господня. Въ это же время Московскій Князь отправилъ къ Нарвѣ двѣнадцать тысячъ человѣкъ съ слѣдующимъ приказаніемъ: побѣдивши непріятелей напасть на Ливонію съ этой стороны. Отсюда слишкомъ видно, въ какой опасности находилась тогда эта несчастная страна Счастливо окончивъ эту войну, Магистръ Ордена, Плетенбергъ отправляетъ пословъ къ Папѣ, Александру VI, и со всѣмъ своимъ рыцарскимъ сословіемъ и Христіянскимъ государствомъ проситъ у него совѣта и помощи въ столь великой нуждѣ и затрудненіяхъ, которыя онъ болѣе выносить не можетъ по причинѣ истощенія денежныхъ средствъ. Но когда и Московскій Князь отправилъ туда своихъ пословъ и, не знаю, подъ какимъ предлогомъ, сложилъ съ себя вину этой войны, то Магистръ не много выигралъ. Папа, однако, написалъ Королю Польскому, Александру, и просилъ его заключить между тѣмъ и другимъ нѣкоторый крѣпкій миръ. И такъ Польскій Король предлагаетъ свои услуги въ этомъ дѣлѣ Магистру, и такъ какъ послѣдній былъ лишенъ пособія денежнаго и легко видѣлъ, что онъ одинъ не въ состояніи противостоять такому могуществу Московскаго Князя, то поручилъ возвѣстить чрезъ пословъ Королю, что онъ не отказывается, если извѣстный миръ можетъ быть заключенъ на выгодныхъ условіяхъ, и приноситъ ему благодарность за это благоволеніе. И такъ около 1503 года отъ Рождества Христова Александръ, наслѣдовавшій брату въ Королевствѣ Польскомъ, также посылаетъ къ Московскому Князю своихъ пословъ, къ которымъ присоединяютъ своихъ также Императоръ Римскій и Король Чешскій, и испрашиваетъ у него (такъ какъ онъ уже много лѣтъ видѣлъ не безъ малаго для себя вреда храбрость Нѣмецкихъ войскъ) шестилѣтняго мира, который, однако, послѣ того былъ продолженъ почти на 40 лѣтъ. Здѣсь я считалъ нужнымъ сообщить все то, что могъ имѣть о первыхъ вой-

нахъ Ливонцевъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ. Теперь прибавимъ немного объ его супружествѣ.

Сначала онъ взялъ въ жены Марію, дочь Тверскаго Князя, отъ коей имѣлъ сына Ивана. По смерти ея онъ взялъ другую, Софію, Гречанку, дочь Ѳомы Палеолога, съ которой прибыли въ Московію очень многіе, изгнанные изъ своего отечества, образованные Греки. Нѣкоторые утверждаютъ, что она получила приданое изъ Папской казны, особенно по тому, что Московскій Князь обѣщался войти въ соглашеніе съ Римской Церковью. Женщина эта, рожденная отъ Царской крови, была одарена также возвышенною душей. Она не переставала убѣждать супруга свергнуть наконецъ когда либо это Скиѳское иго; а чтобы это сдѣлать удобнѣе, она употребила слѣдующую хитрость.

Татарскій Ханъ (dux) постоянно держалъ при Дворѣ Московскомъ нѣкоторыхъ своихъ людей, кои, занимая домъ въ самомъ Кремлѣ, были свидѣтелями всего, что дѣлалось Москвитянами, и обо всемъ извѣщали своего повелителя. Чтобы Васильевичу (Basilides) освободиться отъ этихъ досмотрщиковъ, Софія сообщаетъ, что она свыше получила внушеніе выстроить храмъ на томъ мѣстѣ, на которомъ былъ домъ Татаръ. По тому она сильно убѣждаетъ крестить сына ихъ Князя, язычника, и проситъ, чтобы онъ подарилъ ей этотъ домъ, и достигаетъ этого. Когда домъ былъ уничтоженъ, Татары потеряли всякую свободу и никогда не могли уже вновь получить ее. Ибо прежде этихъ временъ Князья Московскіе принуждены были выходить на встрѣчу ихъ посламъ, подносить имъ чашу съ кобыльимъ молокомъ, до котораго тѣ страстные охотники, и выслушивать, самимъ стоя, въ то время, какъ послы сидѣли. Этою хитростію своей супруги Васильевичъ первый сбросилъ съ плечъ своихъ ихъ владычество, которое потомъ преемники его совершенно уничтожили. По тому-то и теперь Татары, досадуя на то, что у нихъ исторгнутъ былъ изъ глотки столь большой кусокъ, не рѣдко нападаютъ на Московію, грабятъ и опустошаютъ ее. Отъ супруги Софіи Иванъ имѣлъ шестерыхъ дѣтей: одну дочь, Елену, и пять мужескаго пола: Гавріила, Димитрія, Георгія, Симеона и Андрея. Отецъ еще при жизни назначилъ Государство сыну Ивану отъ Маріи (ибо Москвитяне въ преемствѣ держатся права первородства), и помолвилъ за него дочь Стефана, Молдавскаго Господаря (Palatini); отъ нея у него былъ сынъ, Димитрій, а Иванъ умеръ прежде родителя. Власть долженствовала перейти къ Димитрію, но Софія вымогла у супруга, что

онъ, считая его ниже, передалъ правленіе сыну своему, Гавріилу. И хотя дѣдъ умирая перемѣнилъ былъ рѣшеніе и привелъ внука въ прежнее состояніе, однако Гавріилъ не допустилъ до того, заключилъ его въ темницу и держалъ въ ней, пока онъ тамъ не умеръ отъ постояннаго смрада и нечистоты. Гавріилъ, получивши Царство, назвалъ себя Василіемъ и не былъ ниже отца ни въ военной, ни въ другихъ доблестяхъ. И такъ, чтобы не позволить своимъ прозябать въ праздности, онъ, заключивши съ Ливонцами перемиріе, рѣшался продолжать войну, которую велъ его отецъ съ Литовцами. Ибо онъ видѣлъ, что большую часть Московіи присоединилъ Витовтъ къ Литвѣ, которою и владѣетъ она больше ста лѣтъ. Онъ весь предается мысли возвратить утраченное, благодаря несогласіямъ своихъ предковъ, и снова присоединить то къ своимъ владѣніямъ, что и удалось очень счастливо ему совершить. Ибо, отправившись съ огромнымъ войскомъ, онъ съ небольшимъ трудомъ покорилъ подъ свою власть Дорогобужъ (Drogobusum) и другіе города у Борисѳена, не защищенные ни природой, ни искуствомъ.

Съ Поляками онъ также вступилъ въ настоящее сраженіе и одержалъ побѣду; въ этой битвѣ онъ взялъ въ полонъ полководца ихъ, Константина Острожскаго (Ostrovium), происходившаго изъ Русскаго рода, и, приведши его въ Москву, цѣлыхъ семь лѣтъ держалъ въ оковахъ.

Возгордившись такимъ счастливымъ успѣхомъ дѣлъ, онъ подступилъ также и къ Смоленску (Smolenschum). Этотъ городъ былъ укрѣпленнѣе остальныхъ; но, отбитый храбростью своего войска, былъ принужденъ снять осаду и удалиться. Въ слѣдующемъ году, въ 1514 отъ Рождества Христова, онъ овладѣлъ таки этимъ городомъ чрезъ измѣну, благодаря хитрости Князя Глинскаго (Glinscii), бѣжавшаго отъ Короля Александра къ Князю Московскому.

Когда умеръ Александръ, Король Польскій (Sarmatarum), которому наслѣдовалъ Сигизмундъ I, то онъ (Василій), выступивъ предъ началомъ его правленія съ величайшимъ войскомъ и, по-причинѣ побѣдъ прежнихъ лѣтъ, полный доброй надежды, вновь рѣшился попытать счастья въ войнѣ; а какимъ образомъ онъ, потерявши большую часть своихъ, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство Княземъ Константиномъ Острожскимъ (Ostrovio), который не задолго передъ тѣмъ бѣжалъ изъ жесточайшаго заключенія, объ этомъ довольно свидѣтельствуютъ пространныя поля города Орши (Orsa), на которыхъ даже до сего дня виднѣются кости убитыхъ, и о чемъ подробнѣе передаетъ Баронъ Герберштейнъ; въ этомъ же

мѣстѣ для связи разсказа довольно только коснуться того и какъ бы дотронуться пальцемъ.

Василій вступилъ сначала въ бракъ съ Саломеей (Salomea), дочерью одного своего Боярина (nobilis), и такъ какъ не имѣлъ отъ нея никакого поколѣнія, то заключилъ ее за безплодіе въ монастырь и взялъ себѣ другую, дочь Князя Глинскаго, Елену, отъ коей имѣлъ сына Ивана, рожденнаго на сей свѣтъ въ 1528 году отъ Рождества Христова, Августа 25, въ шестомъ часу дня.

Такъ какъ мать по смерти супруга жила не довольно цѣломудренно, то была отравлена, а прелюбодѣйствовавшій съ нею изрубленъ въ куски.

Такимъ образомъ правленіе перешло къ сыну по пятому году; опекуномъ былъ сдѣланъ дядя, Георгій, управлявшій до тѣхъ поръ, пока не выросъ племянникъ.

Еще будучи юношей, онъ началъ пріохочиваться къ великимъ дѣламъ, и сталъ не ниже отца, предпринимая намѣреніе распространить Царство во всѣ стороны. Когда онъ увидѣлъ, что для этого предпріятія служатъ ему препятствіемъ родственники по отцѣ, и такъ какъ они нѣсколько разъ замышляли возстанія, то онъ большую часть ихъ казнилъ; въ числѣ ихъ былъ и двоюродный братъ, Владимиръ (Vlodimirus), дочь котораго онъ выдалъ въ замужство за Магнуса, Принца Гольштинскаго (Holsatiae Duci).

Онъ окончательно покорилъ Казанскихъ и Астраханскихъ Татаръ, приведши въ зависимость ихъ Князей или Царей, которые до тѣхъ поръ платили лишь дань, но нѣсколько разъ замышляли возстанія; для завоеванія Казанскаго Царства онъ ходилъ самъ въ 1553 году отъ Рождества Христова. Астраханью же завладѣлъ спустя три года послѣ того, благодаря храбрости своихъ полководцевъ. И тотъ и другой городъ у рѣки Волги, и Казань расположена на болѣе высокомъ мѣстѣ, въ разстояніи отъ города Москвы на тысячу сто шестьдесятъ шаговъ, а Астрахань на триста шаговъ далѣе этого.

И такъ, покоривши себѣ большую часть Востока, онъ тщательно обдумывалъ распространить оружіемъ свое господство также къ Сѣверу и Западу. Какое въ то время было состояніе Ливоніи, и какія существовали сѣмена раздоровъ между Магистромъ Нѣмецкаго Ордена и Первосвященникомъ или Архіепископомъ Рижскимъ, это ученымъ образомъ излагаетъ ученѣйшій мужъ Іоаннъ Левенклавъ (Ioannes Levenklajus). Ибо Магистръ, опасаясь уничтоженія въ Ливоніи сословія рыцарей, что уже было сдѣлано въ

Пруссіи, и чтобы начальство не было передано кому ни будь изъ знатнаго рода и не перешло потомъ въ потомственное наслѣдство, какъ только могъ, противодѣйствовалъ Архіепископу, который еще при жизни сдѣлалъ себѣ преемникомъ Принца Христофора Меклепбургскаго (Megalburgum).

И такъ, когда одинъ считалъ себя достойнѣе другого, Архіепископъ, по причинѣ славной фамиліи Князей Бранденбургскихъ, отъ которой онъ произошелъ, а Магистръ по тому, что зналъ, что Ливонія въ первый разъ была покорена и приведена въ Христіянство рыцарями его Ордена, то, воспламененные взаимною ненавистью, они возбудили гражданскую войну, которая наконецъ погубила самую цвѣтущую область.

И когда Московскій Князь, уже по окончаніи перемирія съ Ливоніей, увидѣлъ, что во время этихъ распрей ему представляется прекрасный случай къ войнѣ, то, нашедши новый поводъ къ оной, требуетъ подать, должную съ Юрьевскаго (Дерптскаго) Епископа и съ каждаго человѣка его округа (dioecesis), до тѣхъ поръ еще не заплаченную; онъ повелѣваетъ возобновить разрушенные храмы Москвитянъ, бывшіе въ нѣкоторыхъ городахъ. Если же это не будетъ сдѣлано, то онъ объявляетъ ему войну.

Тщательно изслѣдовавши древнѣйшіе памятники и распросивши достопочтеннѣйшихъ мужей, я узналъ, что основаніе для дани слѣдующее: когда у города Юрьева (Дерпта), въ предѣлахъ Псковскихъ владѣній, было очень много лѣсовъ, и ничего болѣе, какъ логовища дикихъ звѣрей, то деревенскіе жители, населявшіе сосѣднія деревни, занимались въ оныхъ пчеловодствомъ и въ дуплахъ деревьевъ, по обычаю странъ Сѣверныхъ, имѣли улья, обыкновенно платя шесть Ливонскихъ солидовъ (solidos) въ годъ, которые на нашу монету составляютъ два крестовика (cruciferos). А потомъ, когда, при возрастающемъ множествѣ людей, лѣса обратились въ равнины, то деревенскіе жители также были свободны отъ платы. Когда Московскій Князь узналъ объ этомъ изъ своихъ лѣтописей, то онъ распространилъ эту плату, на какомъ-то широкомъ толкованіи, съ каждаго дерева на каждую человѣческую голову.

Чтобы это лучше узнать и понять, мнѣ показалось удобнымъ присоединить въ этомъ мѣстѣ часть письма, писаннаго ко мнѣ Готардомъ (Gothardus), котораго Сигизмундъ Августъ, Король Польскій, сдѣлалъ изъ Магистра Нѣмецкаго Ордена Герцогомъ Курляндіи и Семигалліи:

«Готардъ, Божіею милостію Герцогъ Курляндіи и Семигаліи въ Ливоніи и проч.

Всѣ мы, населяющіе эту область, въ величайшемъ смиреніи и съ должнымъ почтеніемъ, приносимъ благодарность Святѣйшему Цесарскому Величеству, нашему милостивѣйшему Государю, за то, что онъ, по причинѣ отеческаго расположенія, которымъ проникнутъ ко всему Христіянскому Государству, отправилъ своихъ пословъ къ Великому Князю Московскому, чтобы позаботиться о выгодахъ этой растерзанной и разстроенной страны, которая въ продолженіи долгаго времени была какъ бы щитомъ отъ набѣга варварскихъ народовъ. За это отеческое къ намъ расположеніе и благодѣяніе мы готовы жертвовать жизнью и нашими имуществами, когда только будетъ нужно; между тѣмъ мы молимъ Бога, который только одинъ укрѣпляетъ Царства и уничтожаетъ ихъ, чтобы онъ привелъ къ желанному концу это дѣло, основанія котораго уже положены. Что же касается до того права, по которому Московскій Князь требуетъ себѣ эту область, то мы, говоря правду, узнали объ этомъ съ смущеніемъ и величайшимъ удивленіемъ. Ибо не только изъ всѣхъ древнихъ и достовѣрныхъ извѣстій очень хорошо извѣстно, но также самъ опытъ и положеніе этихъ странъ пространно свидѣтельствуютъ, что все это вымышлено и не знаю откуда собрано. По тому что изъ всѣхъ памятниковъ, какимъ бы именемъ по истинѣ они ни назывались, которыхъ, однако, у насъ существуетъ не мало, не видно даже и малѣйшаго слѣда, нельзя имѣть никакой догадки, которая представляла бы, что Московскій Князь нѣкогда господствовалъ надъ тѣми народами, которые въ этой странѣ, и что, стало быть, по какому либо праву касалось ихъ предковъ, и по тому не вѣрно. Ибо очень хорошо извѣстно, какимъ образомъ эта самая область сначала открыта была, при помощи мореплаванія, дѣятельностію купцовъ, потомъ какимъ обпазомъ жители, преданные языческимъ предразсудкамъ и идолопоклонству, были обращены къ Христіянской вѣрѣ не безъ малаго труда братьями Ордена Крестоносцевъ, призвавшихъ на помощь своихъ товарищей, учредившихъ тотъ же Орденъ въ Пруссіи; съ того времени Ливонцы не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о судопроизводствѣ, ни о религіи, ни о правахъ, наконецъ ни объ языкѣ Москвитянъ; да у нихъ не только съ этими, но даже и съ другими народами, не было ничего общаго. Ибо, проводя жизнь несчастную, бѣдную, варварскую и языческую въ чащи лѣсовъ, со звѣрями, на подо-

біе звѣрей, они не получили никакого познанія ни о Богѣ, ни о какомъ ни будь начальствѣ. Только и составляло ихъ особенность, что члены одного семейства и общества почитали предъ прочими своихъ старцевъ, которыхъ имѣли, и чтобы вліяніе ихъ было болыше, назвали именемъ Царей, коимъ, хотя число ихъ возрасло свыше ста, оказывали послушаніе и сохраняли свое рабство по обычаю деревенскому и варварскому. Въ то самое время Москвитяне, какъ видно изъ исторіи, уже были преданы Греческой религіи, что на Востокѣ, и церковнымъ обрядамъ, которые они распространяли во всѣхъ областяхъ, покоренныхъ ихъ власти, и для того пользовались своими средствами. О всѣхъ тѣхъ, которые, находясь въ великомъ варварствѣ, населяли эти мѣста между Русскими, Литовцами, Жмудью (Samogitos), Пруссами и моремъ Балтійскимъ, они ничего не знали даже по слуху. Къ этому присоединяется и то, что никогда, ни въ какое время, ни въ нѣдрахъ земли, ни въ другихъ мѣстахъ, не было ни малѣйшихъ памятниковъ древности, или Русской письменности, чего, конечно, не могло бы случиться, если бы Москвитяне, Русскіе и другіе народы, пользуясь этимъ, имѣли власть надъ тѣми областями, о которыхъ мы упомянули, и остались бы въ религіи, богопочитаніи и правахъ, привычкахъ, обычаяхъ, языкѣ и письменности какіе либо слѣды. Мы, конечно, не отрицаемъ, что между этими Ливонскими племенами, по причинѣ ихъ множества, были различные языки, какъ и теперь.

Однако всѣ они не имѣютъ никакого сходства ни съ Московскимъ языкомъ, ни съ языками другихъ народовъ. А что Московскій Князь утверждаетъ, что ему и его предкамъ эта область обыкновенно платила налогъ или дань, то это столь же твердо, какъ и все выше сказанное.

Предъ началомъ этой несчастной войны Московскій Князь, чтобы извинить какимъ ни будь предлогомъ тираннію и страсть къ господству, между другими требованіями упомянулъ и о дани, которая должна была платиться съ владѣній Дерптскаго Епископа, которой, однако, и самъ онъ не могъ ни опредѣлить, ни утвердить что ни будь достовѣрное. Но не нашлось ни одного человѣка, который помнилъ бы, или откуда ни есть зналъ, что въ какое либо время дань этого рода платилась Московскому Князю. И по тому, когда все это дошло до Магистра Ливонскаго Ордена, и онъ узналъ о томъ отъ Дерптскихъ жителей, то приказалъ не взносить дани, по тому что, какъ онъ сказалъ, онъ не позволитъ ее, если бы даже она стоила одинъ волосъ;

наконецъ въ Дерптскихъ лѣтописяхъ найдено, что въ давнее время, когда владѣнія Псковичей не заключали ничего другого, кромѣ лѣсовъ и логовищей звѣрей, деревенскіе жители Дерптскаго Нейгузскаго округа (districtu Neuhusiano), съ согласія Русскихъ сосѣдей, имѣли въ лѣсахъ пчельники и начальникамъ съ каждаго пчельника ежегодно платили шесть Ливонскихъ солидовъ. Когда же Русскіе вырубили лѣса и устроили села, этотъ налогъ также, вмѣстѣ съ исчезнувшими деревьями, и самъ исчезъ, и по тому этихъ шести солидовъ ни Русскіе никогда не требовали, ни Ливонцы ихъ не платили имъ. И вотъ этотъ тиранъ, который нынѣ владѣетъ Государствомъ, первый задумалъ то, чего, какъ извѣстно, не дѣлалъ ни отецъ, ни дѣдъ, ни другіе предшественники его, мало заботясь о томъ, по праву ли онъ, или не по праву, дѣлаетъ это. Богъ же, который видитъ тайныя дѣла и которому тиранство такого рода и страсть къ господству ни сколько не угодны, въ свое время будетъ мстителемъ за эту несправедливость, да и люди съ здравымъ умомъ легко поймутъ отсюда, что все это направлено къ той цѣли, чтобы, достигнувши этого, подъ незначительнымъ предлогомъ распространить свою власть также и надъ заморскими странами, напасть и овладѣть ими. Вотъ все, что можно было найти въ нашихъ архивахъ о причинѣ Ливонской войны и что я рѣшился сообщить тебѣ. Дано 22 Мая, 1576 года отъ Р. Хр.

Хотя все это Ливонцы очень хорошо знали, однако, будучи въ междоусобныхъ распряхъ, или для того, чтобы пріобрѣсть для себя самый убыточный миръ, снарядили посольство, обѣщая Московскому Князю ежегодную дань, но, спустя немного потомъ, снова отказали въ ней. По этой причинѣ онъ пришелъ въ такое негодованіе, что всѣ свои мысли обратилъ на новую войну. И такъ въ 1558 году по Р. Хр., собравши въ своихъ владѣніяхъ большое войско, прежде чѣмъ возвратились домой Ливонскіе послы, отправленные Магистромъ и Дерптскимъ Епископомъ и какъ бы проведенные по различнымъ извилинамъ дорогъ, вышедши изъ своихъ предѣловъ, все предаетъ огню и прежде всего овладѣваетъ Нарвой. Немного затѣмъ, въ Августѣ, покоряетъ также городъ Дерптъ, который Русскіе называютъ Юрьевомъ (Juriovium), по тому что онъ былъ построенъ Княземъ Юріемъ, сыномъ Даніила. Хотя жители и могли бы нѣсколько противостоять, но, приведенные въ страхъ и убѣжденные нѣкоторыми совѣтниками Епископа Германа, они сдались и сами отворили ворота. Въ это время и самъ Епископъ пришелъ

во власть Московскаго Князя и изъ высочайшей степени достоинства былъ низверженъ въ самое крайнее бѣдствіе: оставивши его у себя, онъ далъ ему ежегодное содержаніе, а всѣ имѣнія, принадлежавшія Епископству, отписалъ на себя. Не знаю, какіе поддонки Русскіе и Скиѳскіе населяютъ городъ, расположенный у рѣки Эмбаха (Embeck), не очень укрѣпленный, однако находящійся въ прелестномъ мѣстѣ и украшенный многими блестящими зданіями, по тому что древніе жители теперь или разогнаны, или переселены въ другое мѣсто, между тѣмъ какъ зданія, публичныя и частныя, мало по малу разрушаются.

Около 1560 года Московскій Князь снова является въ Ливонію съ величайшими войсками и осаждаетъ городъ Фелинъ (Velinum). Гарнизонъ, не могши противостоять долѣе силѣ метательныхъ орудій, сдался; въ это время Фюрстенбергъ (Furstenbergius), Магистръ Рыцарскаго Ордена, тоже достался во власть непріятеля и былъ отведенъ плѣнникомъ. Тогда пришелъ самый послѣдній день и неизбѣжный рокъ для этой самой цвѣтущей области. И такъ, находясь въ величайшей крайности, ожидая вспомогательныхъ войскъ отъ сосѣдей и доселѣ признавая одного лишь Римскаго Императора, была она самымъ жалкимъ образомъ разорвана на разныя части. По тому что чѣмъ еще не завладѣлъ Московскій Князь, то подпало власти Швеціи, Даніи и Польши; однако это и они не очень долго могли удержать. Король Польскій, по уничтоженіи Рыцарскаго Ордена, назначаетъ Герцогомъ Курляндскимъ и Семигальскимъ, Готарда Кетлера, происходившаго изъ Вестфальскаго дворянства, наслѣдовавшаго послѣ взятаго въ плѣнъ Фюрстенберга, остальное же удерживаетъ за собою и занимаетъ своими гарнизонами, отъ которыхъ, однако, жители терпятъ почти не меньшій вредъ, какъ отъ враговъ.

Такъ какъ Московскій Князь присвоивалъ себѣ Ливонію по какому-то наслѣдственному праву, то онъ очень неохотно сносилъ это растерзаніе и грозилъ владѣвшимъ имъ чѣмъ-то ужаснымъ. И такъ въ гнѣвѣ онъ первый начинаетъ войну съ Польшею и, спустя немного, покоряетъ крѣпость Полоцкъ (arcem Polocium), пришедши къ ней съ большими запасами метательныхъ орудій, и самаго Воеводу (Palatinum) уводитъ въ Москву съ супругой и многими тысячами людей въ Мартѣ 1562 года.

Два Ливонскіе дворянина, въ различныя времена, одинъ во время сраженія, которое происходило въ 1529 году, а другой при

завоеваніи города Дерпта, достались во власть Московскаго Князя.* Такъ какъ они безукоризненно перенесли почти шестилѣтнее рабство и своимъ благоразуміемъ многое ему обѣщали, то онъ величайшими обѣщаніями склонилъ ихъ къ тому, что они обязались служить ему клятвою. По этому онъ подарилъ имъ огромнѣйшія имѣнія, назвалъ Князьями (Knezos), теперь же, возвратившись къ намъ, они величаютъ себя Баронами.

Когда они, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, были уже совѣтниками (a consiliis), то Москвитяне, составивши заговоръ противъ своего Князя, беззаконными совѣтами старались отнять у него власть и предать Россію Хану (principi) Перекопскихъ Татаръ.

Открывши это злоумышленіе, Московскій Князь не только съ большою жестокостью поступаетъ относительно виновниковъ злодѣянія, но даже ихъ служителей, духовнаго и гражданскаго сословія, многія тысячи мучитъ ужасными способами и совершенно уничтожаетъ знатныя фамиліи. По этому онъ призываетъ къ себѣ двухъ Нѣмцевъ, о которыхъ я сказалъ выше, и говоритъ имъ въ такомъ родѣ: «Я нѣсколько лѣтъ, мои Совѣтники, правлю уже Россіей; но такъ какъ во все это время я узналъ величайшее вѣроломство и предательскія намѣренія моихъ подданныхъ, то я по праву такъ сильно возбужденъ противъ нихъ, какъ видите, по тому что они уже не разъ рѣшались согнать меня съ моего Царства, которое я получилъ отъ своихъ предковъ, и, не обращая никакого вниманія на Христіянскую вѣру, положили передать мои владѣнія Татарину, преданному Магометанскому нечестію. Вы сами по себѣ поймете, какъ меня огорчаютъ эти злодѣянія моихъ подданныхъ, которымъ я не могу ввѣрить жизни и здоровья своего. И это не что ни будь странное случилось со мной: очень хорошо знаю я, какъ вѣроломно поступали они и съ моими предками, которые также со властію господствовали надъ Россіей, и какъ многіе изъ нихъ, составляя совѣты и безчестные заговоры, лишили ихъ жизни своими кознями. И такъ я очень скорблю, по тому что вижу себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ гнуснѣйшими предателями; однако я не перестану, при помощи Бога, которому злодѣянія такого рода вовсе неугодны, отыскивать и съ корнемъ уничтожать ихъ. А такъ какъ Священнѣйшій Императоръ Римскій Фердинандъ, письмомъ своимъ показалъ мнѣ дружбу и свое брат-

* Элертъ Крузе и Іоаннъ Таубе попали къ плѣнъ въ 1560 году. См. Аделунга стр. 163.

ское слово и кромѣ того просилъ, чтобы я возвратилъ Ливонію Рыцарямъ Нѣмецкаго Ордена, то я, конечно, не отказываюсь кончить сдѣлку объ этихъ дѣлахъ между нами. Ибо, такъ какъ и я самъ веду свое происхожденіе отъ славнаго рода Князей Баварскихъ (Bavarorum), то и готовъ уступить на извѣстныхъ условіяхъ Ливонію одному отъ моихъ родственниковъ. Если это будетъ сдѣлано, то я приложу стараніе къ тому, чтобы открыть въ моихъ городахъ, Псковѣ и Новгородѣ, первоначальныя училища, въ которыхъ Русское юношество обучалось бы Латинскому и Нѣмецкому языкамъ. А какіе Нѣмцы имѣли въ моихъ владѣніяхъ храмы, или зданія, я позабочусь, чтобы все это было возстановлено. И такъ для этого я буду пользоваться вашимъ совѣтомъ и помощію.»

Совѣтники, похваливши это, столь замѣчательное желаніе своего Князя, подробно представляютъ ему, какая огромная польза произойдетъ оттуда для Христіянскаго Государства, если онъ заключитъ союзъ и войдетъ въ тѣсную дружбу съ Священнѣйшимъ Римскимъ Императоромъ, и этому дѣлу начинаютъ полагать какъ бы нѣкоторое основаніе.

Что касается до того, что большая часть Ливоніи отдалась подъ защиту Польскаго Короля, то объ этомъ было сказано выше. Когда же Эрикъ Шведскій овладѣлъ приморскими городами, Ревелемъ и Перновомъ (Revaliam et Pernoviam), то Король Польскій заключилъ противъ него вооруженный союзъ съ Датскимъ Королемъ. Къ тому же предлагаетъ свою помощь Полякамъ и брату, Датскому Королю, Магнусъ, Герцогъ Гольштинскій (Holsatorum), владѣвшій Епископствами Гапсальскимъ и Эзельскимъ, и съ Польскими гарнизонами нѣсколько времени противостоитъ въ войнѣ противъ Шведовъ. Когда же Эрикъ, Король Шведскій, посаженъ былъ въ темницу братомъ его, Іоанномъ, вступившимъ въ супружество съ сестрою Сигизмунда Августа, Поляки отказались поднять противъ него оружіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что они заключили союзъ съ Даніей только противъ Эрика. И такъ, оставленный Поляками, Герцогъ Гольштинскій, которому могущество Московскаго Князя было не безъизвѣстно, началъ думать о томъ, какимъ бы образомъ снискать его покровительство, и для этого послалъ къ Князю Московскому друга своего двора съ слѣдующими приказаніями:

«Такъ какъ между тобою и моимъ братомъ, Королемъ Датскимъ, постоянный союзъ и безпрерывный миръ, то и я имѣю твердую надежду, что ты также будешь относиться и ко мнѣ. И такъ

какъ Шведскій Король уже и на морѣ и на сушѣ нападалъ на моего брата, также отнялъ у меня нѣкоторыя владѣнія въ Ливоніи и имѣетъ намѣреніе занять и другіе замки, то я ничего не могъ болѣе спасительнаго придумать въ моихъ обтоятельствахъ, какъ просить тебя о помощи. По этому я прошу не оставить меня, поставленнаго въ такую опасность, но подать нѣкоторую спасительную помощь, ради той дружбы, которую ты питаешь къ моему брату. Если ты это сдѣлаешь, то я не отказываюсь и самъ считать тебя покровителемъ и, заключивши извѣстныя условія, всецѣло привязаться къ тебѣ.» А такъ какъ онъ зналъ, что тѣ Ливонцы, о которыхъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, пользуются значительнымъ вліяніемъ у Московскаго Князя, то съ этой цѣлью онъ написалъ и имъ, также прося дѣлать его дѣло коль возможно съ большимъ прилежаніемъ. Съ ними же онъ условился и о слѣдующемъ: Если Князь ихъ имѣетъ дочь, то пусть они увѣдомятъ его, могутъ ли они постараться, чтобы выдали ее за него замужъ, такъ какъ онъ не намѣренъ отказаться отъ этого изъ за разности религіи, чтобы тѣмъ большая вѣра имѣлась ему, какъ пришельцу.

Когда все это узналъ Московскій Князь, то онъ приказалъ отвѣчать ему въ такомъ смыслѣ: «За то, что ты имѣешь о мнѣ самую прекрасную надежду, я очень благодаренъ; что ты написалъ, я очень хорошо понялъ, и постараюсь, чтобы ты не обманулся въ твоемъ мнѣніи. А такъ какъ все это очень важно и посредствомъ писемъ нельзя удобно сдѣлать, то Князь Московскій проситъ послать къ нему съ полнѣйшими уполномочіями тѣхъ изъ своихъ придворныхъ, которыхъ онъ считаетъ самыми искренними и вѣрнѣйшими своими друзьями; съ ними лично онъ кончитъ все, что будетъ нужно.» Многими словами убѣждаетъ его, чтобы какъ можно больше надѣялся получить отъ него. Узнавъ объ этомъ Герцогъ Гольштинскій безъ всякаго замедленія посылаетъ въ Москву нѣкоторыхъ, какъ и требовалось, главныхъ совѣтниковъ своихъ, съ которыми объ этомъ и ведутся переговоры нѣсколько дней. Съ честью встрѣченные, принявши по обычаю подарки, состоящіе изъ мѣховъ, и окончивши дѣла, на которыя полномочіе имѣли, они возвращаются къ своему Господину и объявляютъ ему, что сдѣлано, именно: что Московскій Князь, привѣтствуя его, весьма расположенъ къ нему, какъ по тому, что онъ Королевскаго рода, такъ и по тому, что, одаренный славными доблестями, онъ желаетъ усердно заняться великими дѣлами, по чему онъ постарается почтить его достойною честію и оказать всякій знакъ

благосклонности. И такъ, получивши опасную грамоту (salvi conductus), онъ ни мало не медля, отправляется въ Москву. Какъ много радовался Московскій Князь его прибытію, едва можно сказать. Онъ показалъ ему свое благоволеніе нѣсколькими блестящими пирами, на которыхъ, вопреки обычаю, предавался веселости, и осыпалъ его многими подарками. По этому Герцогъ Гольштинскій возъимѣлъ значительную надежду о своихъ дѣлахъ, до сихъ поръ находившихся въ довольно разстроенномъ положеніи. И это справедливо; ибо онъ хотѣлъ передать ему, съ условіемъ платить ему дань со всѣхъ городовъ и воевать противъ всѣхъ его враговъ, Ливонію, покоривши ее подъ свою власть, открытою ли войною, или при пособіи какого договора; все это онъ обѣщалъ и подтвердилъ великою грамотою. За тѣмъ, чтобы пріобрѣсть себѣ родство съ Нѣмецкими Князьями, онъ скоро выдалъ за него замужъ дочь своего двоюроднаго брата, Владимира, провозгласилъ его Царемъ Ливоніи и облекъ его въ своемъ храмѣ въ діадему.

Послѣ этого онъ отправляетъ своихъ Совѣтниковъ въ Дерптъ для скорѣйшаго окончанія Ливонскихъ дѣлъ, и по ихъ совѣту Магнусъ посланъ осаждать Ревель. Хотя я не знаю, какою тайной перепиской ему обѣщали вѣрную побѣду, однако онъ, не сдѣлавъ дѣла, снялъ осаду и принужденъ былъ отступить. Такъ какъ это дѣло не было лишено подозрѣнія и предводитель войны, Магнусъ, на многое жаловался, то Московскій Князь призываетъ ихъ (Совѣтниковъ) къ себѣ, но тѣ, боясь за себя, съ Нѣмецкими Рыцарями, которыхъ привели Ливонскіе дворяне, Рейнгольдъ Розенъ (Rosaeus) и Іоаннъ Цейцъ (Zeitius), устремляются на Дерптскій замокъ, убѣждаютъ гражданъ изгнать Московскій гарнизонъ и возстановить древнюю свободу. Когда дѣло не состоялось и Розенъ былъ убитъ, они, сплавивъ большое количество серебряной утвари, позаботились бѣгствомъ спасти себя и приходятъ къ Польскому Королю, Сигизмуду, собравшему тогда, въ 1569 году отъ Р. Хр., послѣдній сеймъ въ Варшавѣ на Вислѣ, и стараются оправдать свой побѣгъ, не знаю, какимъ предлогомъ. Онъ принялъ ихъ подъ свою охрану и далъ имъ нѣкоторыя помѣстья въ Ливоніи.

Москвитяне, изгнавши рыцарей, въ ярости устремляются на Нѣмцевъ, оставшихся въ Дерптѣ, свирѣпствуютъ съ великою жестокостію и почти всѣхъ до одного, не обращая никакого вниманія ни на полъ, ни на возрастъ, истребляютъ недостойнымъ образомъ въ

священномъ храмѣ, куда народъ сошелся для собранія, съ самимъ пасторомъ (concionatore) и обагряютъ полъ кровію (которая видѣется и теперь) невинныхъ людей, ничего не вѣдущихъ о происходившихъ дѣлахъ, а всѣ ихъ бывшія имущества расхищаютъ. Такимъ образомъ оставшіеся Нѣмцы въ этомъ городѣ, къ сожалѣнію, по винѣ нашихъ же людей, были истреблены самымъ жалкимъ образомъ. Въ слѣдующіе годы безъ большаго для себя труда Московскій Князь покоряетъ Оберполенъ (Oberpalum), Виттенштейнъ (Wittensteinium) и Каркусъ (Karkusium).

Въ 1575 году по Р. Хр. онъ отправляетъ для завоеванія Пернова, находившагося тогда подъ властью Короля Польскаго, главнаго предводителя своего, Юрія Толмачова (Georgium Tolmatovium), съ большимъ войскомъ и многими военными орудіями. Такъ какъ жители имѣли очень малый гарнизонъ и напрасно ожидали вспомогательныхъ войскъ, а непріятель изъ стана, разбитаго недалеко отъ городскихъ воротъ, сдѣлавши множество выстрѣловъ изъ орудій, разметалъ большую часть стѣнъ, то они, выдержавъ осаду въ продолженіе восьми дней, начиная съ 1 Августа, отчаявшись наконецъ въ успѣхѣ, сдаются. Нѣмцамъ, не захотѣвшимъ жить подъ властью Князя Московскаго, дано право удалиться; однако большая часть ихъ еще до осады ушла съ семействами. Тамъ былъ оставленъ Московскій гарнизонъ и, какъ во всѣхъ завоеваніяхъ обыкновенно дѣлаютъ, выстроены святые храмы и въ нихъ вознесены Богу молитвы за побѣду. Въ этомъ же самомъ году и другіе замки сдались Князю, по тому что не могли защищаться. Шведскій Король, тоже собравши войско, нѣсколько разъ выступалъ на непріятеля, стараясь возвратить отнятое, но всегда уходилъ безъ успѣха, и такъ какъ онъ не могъ войску выдать жалованья, то назначилъ имъ въ залогъ нѣсколько замковъ: Гапсаль (Hapselium), Лодій (Lodium) и Лояль (Loalium), съ тѣмъ условіемъ, что если они не получатъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ удовлетворенія, то могутъ уступить ихъ, кому хотятъ. Когда Магнусъ, подручникъ Московскаго Князя, узналъ объ этомъ, то склонялъ ихъ уступить ему оные, предлагая въ уплату деньги, которыя имъ долженствовали, и немного недоставало, чтобы дѣло состоялось. Но наконецъ одержалъ верхъ Начальникъ Остендскій (Ostensis), уговорившій ихъ передать замки своему Датскому Королю. Московскій Князь, узнавъ объ этомъ, съ наступленіемъ зимы посылаетъ для завоеванія этихъ крѣпостей, того же самаго Воеводу Толмачова. И такъ какъ онѣ не были защищены ни искуствомъ,

ни войскомъ, то онъ, при помощи многихъ угрозъ, если онѣ не сдадутся, покорилъ эти три крѣпости, о которыхъ я сказалъ, съ нѣкоторыми другими, и отвелъ большое количество людей, особенно деревенскихъ, обоего пола, въ печальнѣйшее рабство. Окончивъ это, Толмачовъ обосновался въ станѣ. И это войско пошло бы дальше, если бы только Московскій Князь не былъ отклоненъ отъ намѣренія нашимъ посольствомъ, которое Августѣйшій Императоръ, Максимиліянъ, особенно возложилъ на насъ для спасенія этой области.

Съ окончаніемъ 1576 года Московскій Князь вступилъ въ 48 годъ возраста.

Онъ до того усердно преданъ былъ благочестію и богослуженію, что для того, чтобы удобнѣе предаваться молитвамъ и постамъ, которые онъ очень строго содержалъ, часто проживалъ въ монастыряхъ и тѣло изнурялъ великимъ воздержаніемъ. Такъ какъ Москвитяне, желая показать Богу душевную скорбь, по обычаю Грековъ, ударяютъ челомъ въ землю, то по большой части оно у нихъ бываетъ багровое и красное какъ кровь. Большую часть своихъ доходовъ онъ тратитъ на построеніе святыхъ храмовъ, и отыскиваетъ мастеровъ съ большимъ стараніемъ.

Онъ очень высокаго роста. Тѣло имѣетъ полное силы и довольно толстое, большіе глаза, которые у него постоянно бѣгаютъ и все наблюдаютъ самымъ тщательнымъ образомъ. Борода у него рыжая (rufa), съ небольшимъ оттѣнкомъ черноты, довольно длинная и густая, но волоса на головѣ, какъ большая часть Русскихъ, брѣетъ бритвой. Онъ такъ склоненъ къ гнѣву, что находясь въ немъ, испускаетъ пѣну, словно конь, и приходитъ какъ бы въ безуміе; въ такомъ состояніи онъ бѣсится также и на встрѣчныхъ. Жестокость, которую онъ часто совершаетъ на своихъ, имѣетъ ли начало въ природѣ его, или въ низости (malitia) подданныхъ, я не могу сказать. Если кто немного тяжелѣе провинится, того со всѣмъ семействомъ, также слугами (subditis) и всѣмъ, что одарено живою душей, уничтожаетъ съ корнемъ и истребляетъ, какъ это довольно хорошо видно изъ разсказовъ, выше уже приведенныхъ. Такъ какъ онъ это дѣлалъ очень часто, то нѣкоторыя мѣста своихъ владѣній и превратилъ въ пустыню. Когда онъ за столомъ, то по его правую руку садится старшій сынъ. Самъ онъ грубыхъ нравовъ; ибо онъ опирается локтями на столъ, и такъ какъ не употребляетъ никакихъ тарелокъ, то ѣстъ пищу, взявъ ее руками, а иногда недоѣденное кладетъ опять назадъ въ чашку (in patinam). Прежъ

де чѣмъ пить, или ѣсть, что ни будь изъ предложеннаго, онъ обыкновенно знаменуетъ себя большимъ крестомъ и взираетъ на повѣшенные образа Дѣвы Маріи и Святаго Николая.

Кравчій, подавая ему питье, которое онъ употребляетъ въ изобиліи, часть выливаетъ въ другой стаканъ и оставляетъ его для пробы. Сынъ во время питья встаетъ и желаетъ отцу здоровья. Если онъ кому ни будь своими руками подаетъ что ни есть изъ пищи, или питья, то это означаетъ великую милость.

Съ начала онъ взялъ за себя замужъ сестру одного своего Боярина (nobilis), Никиты Романовича (Mykitae Romanovicii), который теперь у него играетъ важную роль, однако такъ, что часто подвергался величайшей опасности за свою жизнь. Отъ нея имѣлъ двухъ сыновей, Іоанна и Ѳеодора; они на Русскомъ языкѣ называются Иванъ (Ivan) и Ѳедоръ (Phedur). Послѣ смерти ея онъ женился на дочери одного Черкасскаго Князя (Circassiorum), съ которою жилъ только нѣсколько лѣтъ. Въ третій разъ онъ сочетался бракомъ съ одной Боярыней, которая вскорѣ умерла, выпивши какое-то питье, пересланное ей матерью чрезъ придворнаго: этимъ питьемъ она, можетъ быть, хотѣла пріобрѣсть себѣ плодородіе; за это и мать и придворнаго онъ казнилъ. Четвертую, сестру своего придворнаго Колтовскаго (Cholstolscii), не знаю, по какой причинѣ, онъ заключилъ въ монастырь, умертвивши брата со всѣмъ семействомъ. Теперь онъ имѣлъ другую супругу, дочь какого-то Боярина (Bojaronis), одаренную, какъ говорятъ, прекраснѣйшею наружностью; однако за то, что она пятая, большинство постоянно отрицаетъ ее. Намѣреваясь вступить въ супружество, онъ созываетъ къ себѣ Боярскихъ дочерей изъ всѣхъ владѣній, и сначала ихъ осматриваетъ всѣхъ, а, спустя нѣсколько дней, половину отсылаетъ; скоро потомъ число ихъ опять уменьшаетъ, пока, наконецъ, не останется одна та, которую предъ прочими онъ считаетъ достойною супружества съ собою. Празднуя же свадьбу, онъ созываетъ только родственниковъ невѣсты и нѣкоторыхъ вѣрнѣйшихъ придворныхъ, въ присутствіи которыхъ невѣста соединяется съ нимъ Митрополитомъ по обычаю церковному, при благожелательныхъ молитвахъ. По окончаніи этого, между призванными къ торжеству, разбрасываютъ драгоцѣннѣйшіе собольи мѣха (Zebellinae pelles), къ которымъ бываютъ иногда привѣшены золотыя монеты. Оба сына, старшій двадцати лѣтъ отъ роду, и меньшій восемнадцати, еще безбородые, вступили уже въ супружество съ дочерьми какихъ-то Бояръ, въ тотъ самый годъ, когда мы были тамъ: старшаго

отецъ помѣщаетъ на правой сторонѣ, когда принимаетъ Пословъ, и отдаетъ ему посохъ, который предъ этими временами онъ употреблялъ вмѣсто скипетра. У него благородное (liberalis) лицо; но мнѣ кажется, онъ не будетъ подражать храбрости отца въ военныхъ подвигахъ; а доблести, въ которыхъ нуждаются Императоры для счастливаго управленія, имъ даются свыше (divinitus).

Перекопскіе Татары, очень хорошо зная, что Московія нѣкогда платила ихъ предкамъ дань, многими вторженіями причиняютъ непріятность Великому Князю. Въ 1571 году отъ Р. Хр. они ворвались въ его владѣнія, въ самый день Вознесенія Христова на небо, сожгли городъ Москву съ великимъ множествомъ людей и овладѣли большой добычей. Такъ какъ Московскій Князь, для котораго это нечаянное нападеніе случилось сверхъ всякаго ожиданія, не могъ защитить города, не окруженнаго ни стѣной, ни рвомъ, то, оставивъ все, онъ бѣжалъ въ замокъ, находившійся у Бѣлаго озера. Въ семьдесять пятомъ году Татаринъ, отправивъ посольство, требовалъ снова этой старинной дани, а въ случаѣ неполученія ея страшно грозилъ ему. Московскій же Князь, притворяясь очень бѣднымъ, одѣвшись въ самыя плохія одежды и посадивши по обычаю около себя сына, принялъ посла и отказалъ снова въ дани и отлично осмѣялъ. Кромѣ того онъ приказалъ объявить ихъ повелителю, что онъ ни сколько не смущается его угрозами, по тому что онъ, какъ скоро позволитъ время года, придетъ къ нему самъ и отомститъ военнымъ походомъ за нанесенныя до сихъ поръ ему обиды. Не задолго до нашего прибытія онъ лишилъ жизни сорокъ дворянъ, которые во второй разъ составили было заговоръ на его жизнь, и по причинѣ подлости подданныхъ, какъ бы слагая съ себя власть, управленіе передалъ Симеону, сыну Царя Казанскаго, возложивъ на него чрезъ Митрополита также діадему, какъ мы это узнали изъ разсказовъ нѣкоторыхъ. Однако послѣдній, по многимъ причинамъ, справедливо боясь за себя, тотчасъ упросилъ освободить его отъ этой чести. Москвитяне, проученные многими примѣрами, такъ боятся своего Князя, что потребованные имъ, они не спокойно приходятъ къ нему, но прибѣгаютъ сколь возможно съ большою скоростью, и во всемъ, чтобы ни налагалось на нихъ, оказываютъ ему послушаніе и повинуются безъ всякой отговорки и съ великою душевною готовностью. Если ты кому ни будь пожелаешь здоровья, то онъ отвѣтитъ тебѣ: «Пошли, Боже, здравіе Великому Государю (Imperator) нашему, а за тѣмъ и намъ, его подданнымъ!» Если ты спросишь кого ни будь о чьихъ либо владѣні-

яхъ, то тотъ скажетъ: «Все это Великаго Князя и мое.» Обыкновенно говорятъ, что они не знаютъ, что должно думать о своемъ Князѣ: «Богъ и не Богъ, человѣкъ, но больше человѣка.» Если кто ни будь при дворѣ его дружески разговариваетъ съ пріятелемъ, того тотчасъ схватываютъ, особенно если возбудится какое либо подозрѣніе, и батогами до того наказываютъ его, что онъ принужденъ бываетъ пересказать свои рѣчи. И такъ они живутъ въ самомъ крайнемъ рабствѣ, больше котораго едва ли можетъ быть; это бремя они по тому переносятъ очень легко, что совершенно не знаютъ, какое устройство другихъ Царствъ и Государствъ. По тому что они держатся въ своей странѣ, какъ бы заключенные въ клѣткахъ, и никогда не смѣютъ ни выйти, ни послать дѣтей своихъ, на что, какъ мы слышали, многіе очень жаловались. И по тому, довольствуясь однимъ только туземнымъ языкомъ, они, какъ весьма часто бываетъ, не знаютъ всѣхъ другихъ; а такъ какъ у нихъ очень достаточно природныхъ способностей къ изученію всякихъ наукъ, то если бы къ этому прибавить еще образованіе, они были бы не ниже другихъ народовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ Государь отъ начала своего правленія собралъ большія сокровища, чему онъ предался тотчасъ съ первыхъ же лѣтъ.

Въ каждую недѣлю онъ взыскиваетъ со всѣхъ людей своей страны по нѣсколько монетъ, не включая въ это число церковнослужителей.

Кромѣ того всѣ деревенскіе жители, не исключая и тѣхъ, которые находятся во власти дворянъ, платятъ ему съ полей опредѣленную дань, которую съ каждой области собираютъ назначенные для того сборщики (a quaestoribus) и вносятъ въ казну. Онъ беретъ также довольно большія пошлины съ товаровъ, вывозимыхъ изъ Московіи. А изъ областей болѣе отдаленныхъ, каковы: Пермь (Permia), Сибирь (Sibiria) и Устюжна (Ustyusia), гдѣ родится дерево кедръ (Cedrus), ему доставляютъ въ величайшемъ множествѣ драгоцѣнные мѣха, употребляемые для опушки одежды Князей, которые онъ чрезъ купцовъ продаетъ въ разныя страны, и копитъ серебро съ великою жадностью. Маленькія животныя, которыхъ шкуры мы зовемъ собольими (Zebellinas), питаются кедровыми орѣхами. Эти области населяютъ люди дикіе и даже совершенные варвары. Занимаясь одной только охотой, они добываютъ дикихъ звѣрей посредствомъ метательныхъ копій, и въ этомъ искуствѣ такъ опытны, что очень рѣдко промахнутся на разстояніе болѣе самаго носа; снявъ мѣхи, они сшиваютъ ихъ и

передаютъ Воеводамъ (Praefectis) Великаго Князя. Не зная никакого земледѣлія, они питаются однимъ только мясомъ дикихъ звѣрей, а вмѣсто лошадей употребляютъ оленей, которыхъ запрягаютъ въ телѣги, и собакъ, на которыхъ ѣздятъ верхомъ (quibus equitando insident), какъ это мы узнали отъ многихъ достойныхъ вѣры людей.

Такими и очень многими другими способами онъ ежегодно собираетъ большое количество денегъ, и хотя ведетъ постоянно войны, однако не дѣлаетъ большихъ издержекъ, по тому что всѣ, такъ называемые, дворяне принуждены находиться въ военной службѣ на свой счетъ; но коль скоро они истощатся, ихъ отпускаютъ домой, чтобы они снова занимались хозяйствомъ, на ихъ же мѣсто назначаютъ другихъ новыхъ.

Тѣмъ, которые вели себя мужественно на войнѣ, Великій Князь оказываетъ свою милость, которая у нихъ называется особеннымъ именемъ «жалованье» (Zalowaniae), либо назначаетъ извѣстную часть полей, либо же увеличиваетъ годовое содержаніе. Татары, помощью которыхъ онъ очень часть пользуется въ войнахъ по причинѣ очень необычайнаго мнѣнія, которое онъ получилъ объ нихъ, живутъ, довольствуясь небольшою частью полей и добычей, которая для нихъ не ограничена. Однако очень многимъ, особенно начальникамъ, кромѣ того положено и содержаніе. Нѣмецкихъ воиновъ онъ предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ, и по тому, если выходитъ на войну, особенно много заботится объ ихъ наборѣ и не щадитъ никакихъ издержекъ.

Такъ какъ послѣ нашего возвращенія изъ Московіи Августѣйшій Императоръ Максимиліанъ, блаженной памяти, преждевременно былъ похищенъ смертію и не могъ совершить того, что началъ для спасенія Христіянскаго Государства, то Московскій Государь, который, какъ извѣстно, пораженъ былъ по этой причинѣ не малою скорбію, покорилъ себѣ, что оставалось еще въ Ливоніи за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О религіи Русскихъ.

Общее мнѣніе Москвитянъ то, что Владимиръ, наскучивши множествомъ боговъ, первый склонился къ Христіянской религіи; однако Зонара, Греческій лѣтописецъ, утверждаетъ, что еще до

Владимира, Василій Македонянинъ, Императоръ Константинопольскій, посылалъ къ Руссамъ (Russis) Епископа, стараніемъ коего они и приняли Христіянскую вѣру. Онъ прибавляетъ, что эти люди не могли бы тронуться, если бы не увидѣли какого либо чуда; и вотъ Епископъ, прочитавши нѣсколько молитвъ, бросаетъ книгу Евангеліе въ огонь, и такъ какъ оно осталось невредимымъ, то они этимъ чудомъ приведены были къ тому, что, оставивши суевѣрія, которымъ они прежде того предавались, приняли Христіянство.

Да и то служитъ великимъ доказательствомъ того, что нѣкоторыя сѣмена Христіянской религіи въ этой странѣ были еще до Владимира, что бабка его, Ольга (Olha), названная потомъ Еленой, по смерти супруга своего отправилась въ Константинополь и приняла Св. крещеніе. Но такъ какъ, находясь въ варварствѣ, они можетъ быть, спустя не много, отступили отъ Христіянской религіи, то въ лѣтописяхъ ихъ почти нѣтъ никого упоминанія объ этомъ. По этому они утверждаютъ, что Владиміръ, по выходѣ за него замужъ Анны Константинопольской, принялъ Христіянскую вѣру, какъ ее проповѣдывали Греки, отдѣлившіеся отъ Церкви, и очистился въ святой купѣли крещенія.

Отъ Грековъ они получили также письмена, которыхъ до того времени совершенно не имѣли, и которыя и сегодня сохраняютъ, но, однако, есть нѣкоторая разница отъ Греческихъ.

Алфавитъ имѣютъ двоякій. Одинъ употребляютъ въ священныхъ книгахъ, другой въ обыкновенныхъ.

Произношеніе Русскихъ буквъ.

As. Buki. Fedzi. Loohol. Dobro. Iese. Ziwiedz. Ziolo. Zonda. Ize. I. Kak. Ludzi. Myslice. Nasz. On. Polici. Rci. Slowo. Twierdo. V. Phiort. Cher. Ot. Ci. Czerf. Scha. Tscha. Ior. Ieri. Ier. Iac. Ie. Iu. Ia. Xi. Psi. Ius.

Святая Библія переведена у нихъ на свой языкъ Св. Іеронимомъ или Кирилломъ, которые были Славяне; переведены у нихъ и другіе церковные писатели, преимущественно Греческіе: Василій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Назіянзинъ, и они ихъ уважаютъ не менѣе, чѣмъ Священное Писаніе. И такъ, когда Священники ихъ знаютъ читать священныя книги, то считаютъ это достаточнымъ для себя, и другихъ языковъ по большой части не знаютъ.

Церковныхъ поученій (conciones), которыми у насъ обыкно-

венно утверждаютъ народъ въ благочестіи, у Русскихъ нѣтъ, но только перечитываютъ расположенныя по порядку Евангелія; къ нимъ однако иногда присоединяютъ бесѣды (Homiliae) древнихъ и Житія (Historiae) Святыхъ. Впрочемъ, если кто изъ Епископовъ знаменитъ ученостію и святостію жизни, они позволяютъ ему произносить къ народу проповѣди (ut verba faciat) на память (memoriter), что для остальныхъ Священниковъ считаютъ опаснымъ.

Вмѣстѣ съ нами они почитаютъ досточтимую Троицу, употребляютъ Никейскій Символъ и соглашаются съ постановленіями главныхъ Соборовъ, которые были собираемы при началѣ рождающейся Церкви.

Учатъ, что Духъ Святой исходитъ только отъ одного Отца, и изъ того источника отъ Сына только посылается. Итакъ въ Никейскомъ Символѣ, который обыкновенно поютъ на литургіи, произносятъ слѣдующія слова о Св. Духѣ: «И въ Духа Святаго, истиннаго и животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима.» Что эта ересь древняя, видно изъ Церковной исторіи. По тому въ Исповѣданіи вѣры, которое было изложено на Никейскомъ Соборѣ, только слѣдующія слова были приведены о Св. Духѣ: «И въ Духа Святаго, глаголавшаго пророкы.» Но потомъ первый Константинопольскій Соборъ противъ Македонія и Духоборцевъ прибавилъ слѣдующій конецъ: «и въ Духа Святаго (Господа житворящаго, иже отъ Отца и Сына исходящаго).»

Пресвятую Дѣву Марію, Апостоловъ и другихъ, которые были столпами Церкви, они называютъ свѣтильниками и почитаютъ съ большимъ благоговѣніемъ. Если кто знаменитъ святостію жизни, того послѣ смерти причисляютъ къ лику Святыхъ, и такъ какъ число ихъ къ настоящему времени возросло до величайшаго множества, то они очень многихъ Святыхъ прославляютъ въ одинъ и тотъ же день.

Праздники въ честь рожденія Христа и его воскресенія, и Пятидесятницу, когда былъ ниспосланъ Духъ Святый, также большую часть посвященныхъ въ честь Дѣвы Маріи и Апостоловъ, они соблюдаютъ въ одно и то же время съ нами; въ остальныхъ же совершенно рознятся. Предъ прочими Святыми особенно почитаютъ Св. Николая, Епископа Барскаго, и праздникъ его ежегодно два раза отправляютъ съ большой торжественностью.

Говорятъ, что его образъ (statua), поставленный въ храмѣ города Можайска (Mosaisko), знаменитъ многими чудесами. И по тому въ извѣстныя времена года туда стекается большое множе-

ство народа. Св. Петра почитаютъ первоверховнымъ Апостоломъ и приписываютъ своимъ церквамъ истинное его преемствованіе, утверждая, что только они одни и сохранили Евангельское ученіе чистымъ.

Объ оправданіи нашемъ у Бога учатъ, что Христосъ только за грѣхи прародителей принялъ человѣческое естество и, пригвожденный ко кресту, пролилъ свою кровь. Такимъ образомъ эта суровость ада заслугою Христа для насъ теперь еще не ограничивается. По этому кто желаетъ быть участникомъ жизни вѣчной, тому по необходимости нужно пріобрѣсть ее постами, милостынями и другими добрыми дѣлами. По тому что только такіе будутъ причастниками жизни вѣчной, прочіе же всѣ отвергнутся, буде только не раскаятся въ совершенныхъ грѣхахъ и не спасутся по причинѣ особенной милости, или заступничества Святыхъ. Такъ говорятъ, что Илія (Elias) за молитвы и посты былъ взятъ на небо. Что касается до разницы между закономъ Божіимъ нравственнымъ (moralem), богослужебнымъ (ceremonialem) и судебнымъ (forensem), то они не знаютъ ея, и по тому вообще учатъ: двѣ только заповѣди даны Христіянамъ:«Возлюбиши Господа Бога отъ всего сердца твоего, и ближняго твоего, какъ самого себя.» Все остальное совершенно уничтожено Христомъ.

Когда они собираются въ храмъ для общественнаго богослуженія (ad liturgias), то очень часто покланяются предъ алтаремъ и Священникомъ и знаменуютъ себя большимъ крестомъ, прикасаясь къ челу, персямъ и обоимъ плечамъ, начиная съ праваго, наклоняютъ голову, и челомъ очень часто бьютъ въ землю, произнося по славянски: «Kyrie eleyson! т. е., Hospody pomilui!» считая по четкамъ (rotularum) сорокъ разъ, или многажды. Валафридъ Walafridus, cap. 2) говоритъ, что «Kyrie» eleyson!» и «Christe eleyson!» вѣроятно, заимствованы у Грековъ, по тому что и слова Греческія, и ихъ Греки повторяютъ на своихъ обѣдняхъ (Citat. Cassand. in Liturg. fol. 42, ubi plura).

Въ этомъ почти смыслѣ извѣстенъ декретъ Иннокентія in libr. Decret. De off. jud. ord. «Такъ какъ въ очень многихъ мѣстахъ внутри одного и того же государства и діэцезіи смѣшаны народы различныхъ языковъ, имѣющіе при одной вѣрѣ различные нравы и образъ жизни, то мы строго повелѣваемъ, чтобы Епископы (pontifices) этого рода государствъ, или діэцезій, взыскивали способныхъ мужей, которые бы совершали у нихъ богослуженіе (divina officia) согласно различію нравовъ и языковъ, и исправляли

церковныя Таинства, наставляя ихъ словомъ, равно какъ и примѣромъ.»

При совершеніи Святыхъ Таинствъ (mysteriis) и при другихъ богослуженіяхъ (divinis cultibus) они употребляютъ языкъ туземный, что дѣлаютъ всѣ Илирійцы или Славяне, которые той же религіи. Такъ пишетъ Ioannes Bapt. Palat., Римскій гражданинъ: «Должно замѣтить о томъ, что пишутъ объ Илирійцахъ или Славянахъ, что ихъ народная рѣчь есть та же самая, которую они постоянно употребляютъ при богослуженіи и которую народъ понимаетъ столько же, какъ и мы понимаемъ свою народную рѣчь.»

Когда Священникъ идетъ къ литургіи, то онъ несетъ хлѣбъ, испеченный изъ мелкой муки нѣкоторою старухою проскурницей (Proscurnica); хлѣбъ этотъ называется проскура (Proscura), величиной съ кулакъ, и вынувши частицу изъ верхней части его, на которой назнаменованы слѣдующія слова: «Іисусъ Христосъ, Царь славы» и крестъ, полагаетъ въ сосудъ, въ коемъ находится вино. Потомъ выходитъ отъ жертвенника къ народу и, неся обѣими руками чашу, поднятую надъ головой, произноситъ нѣкоторыя молитвы къ Богу за Великаго Князя и присутствующихъ при богослуженіи (sacris). Народъ обращается къ его лицу и чествуетъ хлѣбъ, вложенный въ вино, многими поклонами.

Папа Юлій, пиша къ Египетскимъ Епископамъ, запрещаетъ погруженіе такого рода, и учитъ, что, по Божескому постановленію, должно брать отдѣльно хлѣбъ и отдѣльно чашу.

По чему введенъ обычай погруженія хлѣба, см. что говоритъ Cassand. in Liturg. fol. 87, 88. См. примѣчанія Блаженнаго Ренана (Rhenani) на трактатъ Тертулліяна о вѣнкѣ воина (de corona militis), гдѣ также говорится о Крещеніи.

Таинство (sacramentum) это преподается народу почти слѣдующимъ образомъ: хлѣбъ и вино, смѣшанныя въ чашѣ, послѣ освященія возносятся Священникомъ; съ боку его стоятъ два Діякона, держа какое-то развернутое полотенце. И такъ освященное три раза преподается серебряной ложицей исповѣдавшимся въ своихъ грѣхахъ на канунѣ, или предъ литургіей. Они знаменуютъ себя крестомъ и послѣ принятія отираютъ уста полотенцемъ же и лобызаютъ чашу.

Священникъ, подавая Св. Тайны, произноситъ слѣдующія слова, которыя также и ликъ сопровождаетъ пѣніемъ: «Тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите» (Czialo kristovo przimite, istocznika bezsmiertnoho wkuszicie). Если же совершается праздникъ

въ честь какого либо Святаго, то повелѣваютъ дѣлать это въ память его. Послѣ этого опять выходятъ два Діякона, изъ которыхъ одинъ предлагаетъ причастникамъ этого Таинства простой хлѣбъ, который Греки называютъ ἀντίδωρον, какъ упоминаетъ Cassander in Liturgicis fol. 18, другой теплую воду. Guliel. Duran, in rationali divino lib. 4, c. 53, говоритъ, что въ первоначальной Церкви всѣ присутствовавшіе при совершеніи литургіи обыкновенно причащались каждый день, именно: выносили большой и для всѣхъ достаточный хлѣбъ, что, говорятъ, Греки еще соблюдаютъ и нынѣ, но, при возрастаніи числа вѣрныхъ, постановлено было, чтобы причащались только въ воскресные дни.

Потомъ послѣдовало третье постановленіе, чтобы, по крайней мѣрѣ, причащались три раза въ годъ, или хоть на Пасху, а вмѣсто того, чтобы причащаться каждый день, положено было каждый день давать поцѣлуй мира, и чтобы, вмѣсто причастія, которое обыкновенно бывало въ каждый воскресный день, раздавать благословенный хлѣбъ, замѣняющій Святое Причастіе и называемый εὐλογία. Cassand. in Liturgicis, fol. 69.

Окончивши литургію, Священники одѣляютъ нѣсколькими хлѣбами, изъ которыхъ были вынуты верхнія частицы для освященія, тѣхъ, или другихъ, присутствующихъ, по тому что эти хлѣбы считаются священными и ихъ нельзя употреблять иначе, какъ только на тощій желудокъ. Хлѣбы такого рода называются проскура (Proscura) и получили свое названіе, можетъ быть, отъ Греческаго προσφορά, что значитъ приношеніе.

Когда бываетъ Великій Постъ, народъ въ большомъ числѣ употребляетъ это Таинство, а преданные предъ прочими благочестію, посѣщая различные храмы, приступаютъ къ нему въ каждый субботній день, что, безъ сомнѣнія, заимствовано отъ древней Церкви, въ которой употребленіе этой священной вечери было весьма часто. Такъ Августинъ совѣтуетъ приступать къ ней во всѣ воскресные дни.

Жертвенникъ отдѣленъ отъ остальной части храма и раздѣленъ стѣной. Къ нему открытъ входъ двумя дверями. Однако тѣми, которыя въ срединѣ стѣны, установленной иконами, пользуется одинъ лишь Священникъ; онѣ, пока онъ освящаетъ Таинство, затворяются, до тѣхъ поръ, пока онъ не совершитъ его, чтобы ему не было какого либо препятствія. Это, утверждаютъ они, установлено Св. Василіемъ.

Въ каждомъ храмѣ бываетъ одинъ только алтарь, но къ

каѳедральнымъ церквамъ причислены часовни (sacella), или не большіе храмы, гдѣ Священники совершаютъ Таинства. Они называются собственными именами тѣхъ Святыхъ, въ честь которыхъ построены. Блаженный Ренанъ, въ письмѣ, присоединенномъ къ Литургіи Златоуста, утверждаетъ, что это древнее установленіе. См. Cassand. in Liturg. fol. 96. Также въ Ѳіопскихъ церквахъ одинъ только алтарь, какъ передаетъ Franciscus Alvarez in lib. navigatio num de Aethiopibus, cap. 11.

Всякую литургію совершаютъ только въ своихъ храмахъ. И по тому въ военныхъ походахъ, вмѣсто храмовъ, они употребляютъ нѣкоторыя небольшія палатки, сдѣланныя для этой цѣли.

Блаженный Ренанъ, въ объясненіи на книгу Тертулліяна: «О вѣнкѣ воина», также «ante lucanis coetibus, говоритъ: «Нѣкоторые же преподавали народу причащеніе омоченнымъ, можетъ быть, ради того омоченнаго куска, который Христосъ подалъ Іудѣ. Ибо существуетъ (см. Bacchardum, Borbetomagensem Episcopum) правило Турскаго Собора (Canon concilii Turonensis), по коему всякій Пресвитеръ долженъ имѣть коробочку или сосудъ, достойный столь великаго Таинства, въ коемъ бы тщательно сохранялось тѣло Господне для напутствованія умирающихъ. Только это приношеніе должно быть омочено въ крови Христовой, чтобы можно было справедливо сказать больному: «Тѣло и кровь Господа да будутъ тебѣ на пользу!» и проч. То же правило учитъ, что Евхаристія обыкновенно сохраняется подъ алтаремъ, но не въ собственныхъ часовняхъ См. ubi plura.

Если у нихъ нѣтъ палатокъ и если они отправляются въ чужія страны, то ихъ Священники освящаютъ дома хлѣбъ, положенный въ вино и, засушивши его, носятъ съ собой; а больнымъ, или поставленнымъ въ другой какой либо опасности за жизнь, по прочтеніи нѣкоторыхъ молитвъ, разводятъ его водой, или немного виномъ.

Такъ какъ они не имѣютъ никакихъ винъ, кромѣ привозныхъ, доставляемыхъ извнѣ, и, однако, часто совершаютъ литургію, то каждый разъ, какъ у нихъ недостаетъ вина, они выжимаютъ сокъ изъ древесныхъ плодовъ, и употребляютъ его при богослуженіи и литургіяхъ.

Тѣхъ изъ нашихъ земляковъ, которые переходятъ въ ихъ вѣру, они перекрещиваютъ, какъ бы крещенныхъ не надлежащимъ образомъ. Причину этого они приводятъ слѣдующую: что крещеніе

есть погруженіе (mersio), а не обливаніе (aspersio), о чемъ еще во время Кипріяна былъ споръ. Такъ какъ таковымъ Великій Князь даритъ нѣсколько денегъ и платье, то часто люди легкомысленные за маленькую прибыль позволяютъ повторять на себѣ крещеніе, и тѣмъ нашей вѣрѣ причиняютъ не малое поношеніе.

Всѣ взрослые погружаются въ рѣкахъ; прочихъ же крещеніе совершается во храмѣ, именно: приносятъ къ Священнику младенца восьми, или больше, дней отъ рожденія (что предоставляется на волю родителей). Этотъ, послѣ заклинанія духовъ и послѣ того, какъ кумовья, плюнувши, откажутся отъ діявола и дѣлъ его, затыкаетъ уши и носъ младенца и трижды погружаетъ его въ холодную воду, которую обыкновенно не сохраняютъ для этой потребности, но всегда свѣжую приносятъ изъ сосѣдней рѣки, хотя бы въ срединѣ зимы, и такимъ образомъ присоединяетъ его къ Церкви во имя Святой Троицы. Крещенный, какъ бы новый человѣкъ, повивается новыми и чистыми свивальниками. Думаютъ, что отъ холода младенцы ни сколько не повреждаются, но свыше согрѣваются.

Митрополитъ, четыре Архіепископа, восемь Епископовъ, монахи, изъ которыхъ высшіе называются Греческими именами—Игумены и Архимандриты, холосты и постоянно воздерживаются отъ мяса. Остальные Священники и мясомъ питаются и женъ имѣютъ, но по смерти первой жены имъ запрещаютъ священнодѣйствовалъ (a sacerdotio suspenduntur). Если они остаются неженатыми, то прислуживаютъ при церкви на подобіе Діяконовъ, но не могутъ совершать никакого богослуженія. Однако, если они вступятъ въ монастырь и воспріимутъ иноческій чинъ, то снова допускаются къ священнодѣйствію. Если же вступятъ во второй бракъ, то не могутъ больше исполнять священнодѣйствія. Это постановленіе почти въ томъ же самомъ смыслѣ находится также in Codice Justiniani tit. de Episc. et Cler. Образа, и только писанные темно-красной краской, до того почитаютъ, что называютъ ихъ не иначе, какъ своими богами (Deos), тогда какъ отъ статуй отвращаются, о которыхъ думаютъ, что это идолы. У нихъ существуетъ такое убѣжденіе, что если кто не имѣетъ у себя собственной иконы, тотъ не можетъ должнымъ образомъ исправлять своихъ молитвъ. По этому куда ни отправляются они, постоянно носятъ ихъ съ собою.

Кромѣ того во всѣхъ домахъ помѣщаютъ ихъ въ самомъ почетномъ мѣстѣ и входящіе чествуютъ ихъ наклоненіемъ головы и знаменіемъ креста, а послѣ того уже привѣтствуютъ по обычаю

хозяина и другихъ присутствующихъ. У образовъ, которые пріобрѣтаютъ себѣ даже самобѣднѣйшіе, привѣшиваютъ сколько ни будь ладона, и каждую недѣлю совершаютъ имъ воскуреніе.

Въ дни Богоявленія (Epiphanias) и перваго Августа, въ первый, конечно, въ воспоминаніе крещенія Христова, а во второй по тому, что въ этотъ день крещенъ Св. крещеніемъ и принялъ Христіянскую вѣру Владимиръ, они выходятъ къ сосѣднимъ рѣкамъ, въ зимнее время прорубливая ледъ; потомъ Священники, облеченные въ священныя одежды, со многими свѣтильниками, освящаютъ воду и ею кропятъ образа Святыхъ, принесенные туда въ большомъ числѣ изъ храма и частныхъ домовъ; не рѣдко больныхъ людей совсѣмъ погружаютъ, чтобы возстановить здоровье, и поятъ также пригнанный скотъ. И такъ тогда стекается большое множество обоего пола и окропляетъ себя этою очистительною водою. На канунѣ этихъ дней они знаменуютъ крестомъ всѣ двери, окна, также отверстія печей, руководясь, не знаю, какимъ ожиданіемъ грядущаго счастья.

Треть года у нихъ посвящена постамъ, которыми они изнуряютъ свою плоть и въ которые раскаяваются въ содѣланныхъ прегрѣшеніяхъ. Постятся же сначала шесть недѣль предъ праздникомъ Рождества Христова, и этотъ постъ называютъ постомъ Филиппа (Philippi). Потомъ имѣютъ четыредесятидневный постъ, который начинается, какъ говорятъ, отъ воскресенья сырнаго, такъ, однако, что еще на этой недѣлѣ питаются масломъ и сыромъ, по чему и называютъ ее Масляницей (Maslnica). Слѣдующее воскресенье они проводятъ весело и болѣе обыкновеннаго забавляются стаканами. Подъ вечеръ они взаимно посѣщаютъ другъ друга, многими поцѣлуями испрашиваютъ прощенія въ обидахъ, если какія ни будь случились и, по причинѣ наступающаго Великаго Поста, въ который они умираютъ для міра, прощаются при многихъ лобызаніяхъ. Третій постъ, который соблюдаютъ отъ восьмаго дня Пятидесятницы до праздника Петра и Павла, посвященъ Петру и Павлу. Четвертый—Дѣвѣ Маріи отъ перваго дня Августа до взятія ея на небо. Этотъ праздникъ они называютъ Успеніе Пречистой (Vspienie preczistei). Кромѣ этихъ торжественныхъ постовъ они воздерживаются отъ мяса въ среду и пятницу (diebus Mercurii et Veneris). Объ этихъ дняхъ упоминаетъ также Августинъ въ посланіи къ Касуляну (ad Cassulanum), говоря: «Для того должно поститься въ среду, что въ этотъ день Христосъ былъ преданъ, а въ пятницу по тому, что

вознесенъ на крестъ. Русскіе въ своихъ книгахъ, которыя они составили о своихъ религіозныхъ обрядахъ, приводятъ почти ту же самую причину этого, т. е., что въ этотъ день тварь разсуждала объ убіеніи Творца и рѣшила, что Христосъ на жертвенникѣ креста принесъ жертву Отцу.

Въ день субботній они живутъ свободно и сильно порицаютъ тѣхъ, которые постятся, чтобы на слѣдующій день быть приличнѣе для дѣлъ священныхъ.

Посты они до того строго соблюдаютъ, что часто, особенно наиболѣе преданные благочестію, въ продолженіе многихъ дней воздерживаются отъ всякой пищи и по большей части питаются рыбой, высушенной на солнцѣ, рѣдко свѣжей, и ни сколько не потворствуютъ себѣ по причинѣ нездоровья. Есть также нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ каждый день питаются мясомъ; въ числѣ ихъ находятся тѣ, въ которыя совершается праздникъ Рождества Христова и его Воскресенія. Окончивши постъ, они подкрѣпляютъ себя болѣе изобильною пищей и питьемъ.

Монахи у нихъ находятся въ жалкомъ положеніи, по тому что большая часть ихъ живетъ милостыней и, обитая въ маленькихъ кельяхъ, сами себѣ приготовляютъ пищу. Весьма многіе, между прочими продавцами дешевыхъ вещей, занимаются торговлей и продаютъ образа Святыхъ, кресты и прочее. Даже и Епископы занимаются продажею мѣховъ и другихъ вещей. Однако нѣкоторые монастыри, между которыми тотъ, который получилъ имя отъ Св. Троицы, и другой, который построенъ у Бѣлаго Озера и получилъ названіе отъ Св. Кирилла, благодаря щедрости Московскаго Князя, имѣютъ довольно большіе доходы.

Въ Воскресенье, получившее названіе отъ пальмовыхъ вѣтвей подстилавшихся Христу, входящему въ Іерусалимъ, Митрополитъ Московскій и Архіепископы, сѣвши на ослицу, при пѣніи отроками словъ псалма: «Благословенъ грядый во имя Господне, Осанна въ вышнихъ!» входятъ въ храмъ, которому имя дали отъ города Іерусалима.

Ослицу Митрополита обыкновенно вводитъ въ храмъ самъ Великій Князь; предъ нимъ, какъ предъ другими Епископами, несутъ деревянный крестъ.

Въ ту недѣлю, въ которую празднуется праздникъ Пасхи, Священники съ Діаконами посятъ въ домы, куда угодно будетъ войти, образъ воскресенія Христова, также крестъ и святую воду, и поютъ нѣкоторыя пѣснопѣнія, потомъ поручаютъ Богу

въ извѣстныхъ молитвахъ своего Князя съ дѣтьми, хозяина дома и кропятъ живущихъ очистительною водою. Уходя, они получаютъ за эти благожелательныя молитвы нѣсколько монетъ, сколько позволяетъ состояніе каждаго.

Въ прежніе годы всѣ ихъ храмы были деревянные; нынѣ тамъ и сямъ виднѣются выстроенные изъ жженаго кирпича. Они по краямъ закруглены и крыши имѣютъ той же формы, на подобіе усѣченной пирамиды; крыши по большой части украшаются многими башеньками. Предъ дверями находится преддверіе, въ которомъ остаются тѣ, которые знаютъ за собой какое либо преступленіе, также женщины, страдающія мѣсячными очищеніями, равно и тѣ изъ нихъ, которыя въ прошедшую ночь были въ объятіяхъ мущинъ, вмѣстѣ съ ними остаются во время богослуженія и не входятъ въ храмъ, прежде чѣмъ не обмоютъ своего тѣла и не получатъ разрѣшительныхъ молитвъ. И такъ Русскіе очень часто употребляютъ омовенія, почти какъ Турки. Храмы и монастыри, какъ и у насъ, получаютъ свои имена или отъ Св. Троицы, или отъ Христа, или отъ Святыхъ Въ томъ, однако, разница, что многіе называются въ различномъ отношеніи, чѣмъ у насъ обыкновенно бываетъ, или отъ Рождества Христова, или отъ Воскресенія его изъ мертвыхъ, или отъ Благовѣщенія Дѣвы Маріи. Каждый разъ, какъ Русскіе проходятъ мимо храмовъ, или идя завидятъ ихъ издали, нѣсколько разъ знаменуютъ себя знаменіемъ креста и наклоняютъ голову.

Подъ каменными храмами у нихъ подвалы, а подъ деревянными комнаты, и туда помѣщаютъ болѣе богатыхъ умершихъ, заключивши ихъ въ склепъ, а чрезъ сорокъ дней устроляютъ въ честь ихъ поминки (parentant). Для погребенія простого народа вырываютъ большой ровъ и кладутъ въ него, и если кто умеръ безъ священныхъ обрядовъ, совсѣмъ не бросаютъ земли, но спустя три, или четыре, мѣсяца устроиваютъ тамъ домикъ, и похороны сопровождаются надъ умершими большимъ плачемъ и воплемъ всѣхъ сошедшихся родственниковъ и сосѣдей, но хоронятъ по обряду религіи; эти церемоніи исполняютъ три раза ежегодно.

Хотя отъ труповъ умершихъ происходитъ величайшее зловоніе, однако легко увидишь, что къ такого рода поминкамъ стекается большое множество людей; по окончаніи же ихъ, чтобы забыть свою печаль, они въ сосѣдней харчевнѣ предаются пьянству. Они (Русскіе) утверждаютъ, что души умершихъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, послѣ переселенія изъ тѣлъ ни радостью не наслаждаются,

ни мученіямъ не подвергаются, но ожидаютъ будущаго суда Христова въ какомъ-то особенномъ мѣстѣ; по этому за нихъ постоянно возсылаютъ Богу молитвы, поминая даже и тѣхъ, которые умерли за пять сотъ лѣтъ и больше.

Съ особеннымъ прилежаніемъ они молятся за тѣхъ, которые благодѣтельствовали Церкви, или бѣднымъ.

Въ степяхъ (in locis campestribus) Московіи тамъ и сямъ видѣются поднимающіяся изъ земли возвышенія, которыя они называютъ курганами (Kurhani), словомъ, не знаю, откуда взятымъ, и утверждаютъ, что это древнія могилы людей ихъ племени, прежде чѣмъ они приняли Христіянство.

О Турецкомъ Султанѣ (Tyranno) они имѣютъ слѣдующее пророчество: когда въ Константинополѣ, который они называютъ Царьградомъ (Czarigorod), такъ сказать Царской городъ, начали гадать о храмѣ дѣвы Софіи, то случилось, что изъ нѣдръ земли вышелъ драконъ; летающій орелъ схватилъ дракона и поднялъ его на воздухъ, и когда драконъ укусилъ его, то оба они упали. По этому Христіяне, мстя за смерть орла, наоборотъ, убили дракона. Отсюда заключаютъ, что власть и господство Турокъ будутъ низвержены Христіянами.

Отъ Іудеевъ и ихъ религіи они до того отвращаются, что совершенно никому изъ нихъ не позволяютъ жить въ своихъ владѣніяхъ; по этому, если Московскій Князь возметъ ихъ въ полонъ при завоеваніи города, или какой либо крѣпости, то приказываетъ всѣхъ таковыхъ топить въ водѣ.

Годъ начинаютъ съ перваго Сентября, и мѣсяцы называютъ тѣми же именами, какъ Латиняне, однако неправильно.

Въ счисленіи лѣтъ отъ сотворенія міра совершенно не сходятся съ нами. Впрочемъ, эта разница находится также и у древнихъ писателей: Евсевія, Ѳеодорита и другихъ, которымъ подражаютъ и наши исторіографы, въ числѣ ихъ Sabellicus. Итакъ этотъ годъ отъ рождества Христова тысяча пятьсотъ семьдесятъ седьмой, отъ сотворенія міра по нашему счисленію 5537, у нихъ 7085, и перваго Сентября у нихъ начнется 86-й. И такъ какъ этотъ народъ также сражается подъ знаменемъ Христа и такъ же много лѣтъ переноситъ уже варъ и тяготу дня въ виноградникѣ Господнемъ, пользуясь тѣми же Таинствами, какими и мы, да и самыя писанія, переданныя Апостолами по Гречески; свидѣтельствуютъ, что Греки пришли въ Церковь прежде, чѣмъ Латины: то

никто, какъ я думаю, не станетъ сомнѣваться, что и на этотъ народъ также простирается соединеніе Церквей. По этому дѣло было бы достойное нашихъ Церквей, если бы мы попытались сдѣлать съ ними соединеніе и привести ихъ въ едино стадо Христово.

Около шестидесяти лѣтъ предъ симъ издана на Нѣмецкомъ языкѣ Исторія Ливонская, отрывокъ которой, такъ какъ цѣлой не могъ имѣть, я получилъ отъ одного друга. Въ ней упоминается о какомъ-то Іоаннѣ Сакрамѣ (Sacramis), Краковскомъ Каноникѣ, который писалъ о религіи Русскихъ къ Епископу Виленскому. Существуетъ ли эта книга и доселѣ, не могу утверждать; вѣроятно, скрывается въ тайникахъ какого ни будь монастыря. Между прочимъ сочинитель этой исторіи пишетъ, что Исидоръ, Митрополитъ Кіевскій, ѣздилъ на Флорентійскій Соборъ, на которомъ Греческая Церковь, одиннадцать разъ отпадавшая отъ Римской, вошла съ ней въ единомысліе; и когда Исидоръ, покончивши дѣло, съ другимъ какимъ-то себѣ преданнымъ Епископомъ, по возвращеніи домой, объявилъ объ этомъ соглашеніи Русскимъ и уговаривалъ ихъ одобрить постановленія Собора, то былъ ими замученъ жалкимъ образомъ. За тѣмъ присоединяетъ онъ, въ какихъ частяхъ ученія они разногласятъ съ Латинскою Церковью, что я, переведши съ Нѣмецкаго, пожелалъ присоединить къ этому.

Главныя статьи заблужденій Русской Вѣры:

Во 1-хъ, Русскіе отрицаютъ, что Святой Петръ былъ истиннымъ Папой и истиннымъ защитникомъ Римскаго престола и главою Церкви, что онъ также получилъ отъ Христа полную и независимую власть. О всѣхъ преемникахъ Петра утверждаютъ то же самое, что они только равняются другимъ Епископамъ.

Во 2-хъ, отрицаютъ, что Римская Церковь есть глава, начальница и учительница всѣхъ другихъ Церквей, что противно Каноническому праву.

Въ 3-хъ, утверждаютъ, что повинующіеся Римской Церкви не суть истинные Христіяне и не могутъ спастись, а это по тому, что отдѣлились отъ первобытной Церкви. Ибо они только себя считаютъ истинно вѣрующими, которые правильно слѣдуютъ за Христомъ и Апостолами.

Въ 4-хъ, вѣрятъ, что Папа, вмѣстѣ съ Римской Церковью, и всѣ вѣрные это—еретики со временъ Арія, и по тому называютъ насъ

Аріянами. Также проклинаютъ Папу и священническій чинъ въ пятое воскресенье, предшествующее дню Пасхи, и говорятъ, что Папа не имѣетъ власти вязать и рѣшить.

Въ 5 хъ, у учителей Латинской Церкви отнимаютъ всякое значеніе истинности и не принимаютъ ихъ книгъ, такъ какъ онѣ не были написаны по вдохновенію Св. Духа. И по тому Іерониму, Августину, Григорію, Амвросію и другимъ не придаютъ никакого значенія, хотя они и приняты Церковью и высоко цѣнятся.

Въ 6-хъ, принимаютъ писанія Греческихъ Отцовъ, доколѣ они не заключаютъ ничего, противнаго ихъ заблужденіямъ; если же они содержатъ что либо, противорѣчащее имъ, тотчасъ ихъ отвергаютъ и отвращаются какъ бы отъ ложныхъ.

Въ 7-хъ, отвращаются отъ Святыхъ и образовъ Римской Церкви, которымъ, говорятъ, воздается идолопоклонническое почтеніе, и почитаютъ только тѣ образа, которые писаны ими и находятся въ ихъ храмѣ.

Въ 8-хъ, всѣ наши храмы презираютъ и не воздаютъ имъ никакого почтенія; о своихъ же утверждаютъ, что они освящаются всякимъ Священникомъ.

Въ 9-хъ, не вполнѣ воздаютъ истинное почтеніе таинству тѣла Христова, однако почитаютъ его частью изъ боязни Божескаго наказанія; кромѣ того утверждаютъ, что его нельзя совершать на неквашеномъ хлѣбѣ.

Въ 10-хъ, утверждаютъ, что законы и постановленія Церкви, начиная отъ Седьмаго Собора, не имѣютъ никакой твердости и значенія, по тому, конечно, что они безъ ихъ согласія были собраны и объявлены.

Въ 11-хъ, смѣются и презираютъ всѣ таинства Римской Церкви, особенно Крещеніе и Свят. Вечерю, и это по той причинѣ, что совершаются не такъ, какъ у нихъ.

Въ 12-хъ, учатъ, что никто изъ Епископовъ не имѣетъ власти освящать мура (Chrysma), кромѣ ихъ Константинопольскаго Патріарха. А то, которое имъ приготовлено, можетъ сохраняться на многія лѣта.

Въ 13-хъ, презираютъ послушаніе и власть Римской Церкви и смѣются надъ всѣми монашескими орденами, епископствомъ, священствомъ, молитвами, постами, индульгенціями, юбилейными годами и другими церковными обязанностями, все это считая ничего не значащимъ.

Въ 14-хъ, совсѣмъ не совершаютъ таинства конфирманціи (con-

firmationis) и не употребляютъ его; безъ него даже посвящаютъ своихъ Священниковъ.

Въ 15-хъ, не соблюдаютъ извѣстныхъ временъ въ раздѣленіи Святыхъ по порядку, изъ которыхъ многихъ помѣщаютъ тамъ и сямъ въ одинъ и тотъ же день.

Въ 16-хъ, утверждаютъ, что таинствомъ послѣдняго помазанія (елеосвященія) не уничтожаются грѣхи, но что Іяковъ, въ своемъ посланіи, говоритъ только о тѣлесномъ врачеваніи.

Въ 17-хъ, при совершеніи крещенія употребляютъ сокъ, выжатый изъ древесныхъ плодовъ, къ которому примѣшиваютъ воду и закваску. То же соблюдаютъ и при совершеніи литургіи, когда у нихъ недостаетъ вина.

Въ 18-хъ, въ приготовленіи чаши смѣшиваютъ двѣ, или три, капли вина съ теплой водой, такъ что нельзя замѣтить даже малѣйшаго вкуса вина, а обычай Римской Церкви, которая употребляетъ воду холодную, презираютъ.

Въ 19-хъ, когда мѣсятъ хлѣбъ, который употребляютъ при совершеніи литургіи, то употребляютъ муку во имя Отца, закваску во имя Сына, а холодную воду во имя Св. Духа.

Въ 20-хъ, говорятъ, что въ одинъ день на одномъ алтарѣ можно совершать одну только обѣдню.

Въ 21-хъ, они не убѣждены, что ихъ Священники очень оскверняются, если убьютъ какую либо птичку, и не прежде очищаются, покуда она подъ мышками не предастся гніенію. Если же онъ убьетъ Христіянина, то онъ не налагаетъ на себя столь тяжелаго покаянія.

Въ 23-хъ, не считаютъ за грѣхъ не сохранять вѣры для врага, въ особенности для преданныхъ Римской вѣрѣ; даже считаютъ справедливымъ всячески имъ вредить, по тому что они знаютъ пословицу, перенятую отъ Грековъ: «Защищай крестъ и свою вѣру, а врага дави!»

Въ 24-хъ, учатъ, что не слѣдуетъ поститься въ день субботній, когда соблюдаютъ Великій постъ; а кто это дѣлаетъ, тотъ совершаетъ тяжкій грѣхъ; учатъ также, что во все время того же поста, за исключеніемъ дней субботнихъ и воскресныхъ, не должно совершать никакой обѣдни, и по тому презираютъ Римскую Церковь, которая и въ другіе дни совершаетъ это богослуженіе. Постъ этотъ, въ который они питаются внутренностями соленыхъ рыбъ, начинаютъ за 8 дней прежде насъ и, окончивши его, питаются мясомъ даже въ пятницу.

Въ 25-хъ, говорятъ, что очень тяжко грѣшатъ преданные Римской Церкви, по тому что они брѣютъ бороды, ѣдятъ отъ задохнувшихся и кровь, питаются мясомъ также въ четвергъ, понедѣльникъ и вторникъ предъ Великимъ Постомъ.

Въ 26-хъ, утверждаютъ, что высшій духовный санъ (praelatura) и священство, также посвященіе, могутъ продаваться и покупаться, и что дѣти Священниковъ по праву пріобрѣтаютъ то, чѣмъ владѣли ихъ отцы.

Въ 27-хъ, учатъ, что человѣкъ, какъ бы тяжко ни согрѣшилъ, не можетъ, однако, совершить смертнаго грѣха.

Въ 28-хъ, учатъ, что блудъ, совершаемый двумя свободными, не есть смертный грѣхъ.

Въ 29-хъ, говорятъ, что воръ довольно уменьшитъ наказаніе, если покажется семи Священникамъ, признается въ грѣхѣ и помажется масломъ. По этому другого покаянія, или возврата похищенныхъ вещей, и не нужно.

Въ 30-хъ, учатъ, что есть только два мѣста душамъ по выходѣ ихъ изъ тѣлъ: это—небо и адъ, а чистилище совсѣмъ отвергаютъ.

Въ 31-хъ, говорятъ, что души праведныхъ прежде дня послѣдняго суда и покуда тѣло ихъ покоится въ землѣ, не причастны никакой небесной славѣ, а души грѣшниковъ не подвержены еще наказаніямъ, но тамъ и здѣсь, какъ птицы, блуждаютъ въ воздухѣ.

Въ 32-хъ, учатъ, что заступленія живыхъ за умершихъ приносятъ пользу только грѣшникамъ и никому другому.

Въ 33-хъ, учатъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, отнюдь же не отъ Сына, что противно величію Св. Троицы.

Въ 34-хъ, разводятся безъ уважительныхъ причинъ, только по требованію своей воли и страстей.

Въ 35-хъ, говорятъ, что второй и третій браки непозволительны и происшедшіе отъ того дѣти незаконны.

Въ 36-хъ, когда погребаютъ своихъ умершихъ, всякій, по предложенію Священника, цѣлуетъ гробъ, а за тѣмъ совершаютъ пиршество и питаются хлѣбами, освященными Священникомъ.

Въ 37, утверждаютъ, что свѣтскіе государи (politici principes), не подвергаясь отлученію, могутъ отрѣшать отъ должности Патріарха, Епископовъ и своихъ Священниковъ когда имъ угодно.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О пріемѣ и содержаніи пословъ.

Хотя объ этомъ пространно писалъ уже Баронъ Герберштейнъ, который отправлялъ посольство у отца нынѣ царствующаго Государя, однако, такъ какъ съ того времени произошла большая перемѣна во многомъ, то я и рѣшился вкратцѣ представить какъ насъ приняли и содержали.

Были важныя причины, ради которыхъ Августѣйшій Императоръ Максимиліянъ рѣшилъ отправить посольство къ Великому Князю Московскому, причины, которыя всѣ имѣли въ виду благо всего Христіянскаго Государства.

Тогда кончалось перемиріе, которое Московскій Князь заключилъ на нѣсколько лѣтъ съ Литовцами. Итакъ, когда они боялись за себя, чтобы онъ, по причинѣ ухода Французскаго Принца, не вздумалъ противъ нихъ чего либо враждебнаго, особенно во время второго междуцарствія по смерти Польскаго Короля, Сигизмунда Августа, и такъ какъ они не знали, какъ высоко Московскій Князь цѣнилъ Священнѣйшаго Императора, то и просили вскорѣ за тѣмъ чрезъ своихъ пословъ, чтобы онъ былъ хорошо расположенъ ко всему Христіянскому Государству, и чтобы обратилъ вниманіе и на ихъ Государство, находящееся въ крайней опасности, и исходатайствовалъ для нихъ болѣе продолжительное перемиріе. Въ то время Московскій Князь пошелъ войною также на Ливонію, и такъ какъ жители ея не имѣли никакого другого убѣжища, то они во многихъ посланіяхъ со слезами молили о помощи у Римскаго Императора. Теперь не мѣсто говорить о томъ, какъ возблагодарили Августѣйшаго Максимиліяна нѣкоторые народы, нравы которыхъ нѣкогда накажутъ сами себя. Итакъ, въ слѣдствіе изложенныхъ причинъ, была возложена на насъ обязанность посольства. Совершивши длинный путь, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1575 года отъ Р. Хр., мы прибыли въ Вильну, столицу Литвы. Распорядившись какъ слѣдуетъ о своемъ пути, мы имѣли совѣщаніе съ начальникомъ этого мѣста, Валеріяномъ (Velerianes), уже престарѣлаго возраста, съ нѣкоторыми главными вельможами (primiriis proceribus), и получивши отъ нихъ грамоту для свободнаго проѣзда, въ немного дней достигли мы, съ Приставомъ Лаврентіемъ Горскимъ (Lau-

rentio Gorscia) Орши (Orsam), отстоящей отъ Вильны на семдесять Нѣмецкихъ миль.

Такъ какъ, по причинѣ узкой дороги, мы не могли пользоваться своими колясками, то были принуждены прибѣгнуть къ помощи Татаръ, которые имѣютъ повозки меньше нашихъ и этимъ извозничествомъ преимущественно занимаются. Очень многіе изъ нихъ воздѣлываютъ поля въ Виленскомъ округѣ и состоятъ въ подданствѣ Польскаго Короля. Орша, сдѣлавшаяся знаменитою послѣ побѣды Поляковъ подъ предводительствомъ Князя Константина Острожскаго (Ostrovio), расположена у знаменитой рѣки Борисѳена, нынѣ называемой Днѣпромъ (Dniepr).

Вытекая изъ болотъ въ самой Московіи, онъ, на длинномъ теченіи своемъ, омываетъ Дорогобужъ (Drogobusium), Смоленскъ, (Smolenscium), Оршу, Кіевъ (Kyoviam) и подъ конецъ сильно возросши отъ впаденія въ него многихъ рѣкъ, вливается въ Понтъ Эвксинскій. Прежде чѣмъ мы пришли въ Оршу, Вице-Каштелянъ (Vice-Capitaneus), по приказанію своего начальника, съ которымъ мы переговорили объ этомъ еще въ Вильнѣ, извѣстилъ о нашемъ посольствѣ Воеводу (Palatinum) Смоленскаго.

По тому что Московія такъ заключена, что никому, безъ открытаго листа или предувѣдомленія о своемъ прибытіи сосѣднихъ начальниковъ, нельзя входить въ нее, если онъ не хочетъ подвергнуться величайшей опасности. Потомъ изъ того же города мы послали также свои грамоты къ Смоленскому Воеводѣ, прося, чтобы намъ, по обычаю, выслали на встрѣчу проводниковъ на дорогу, которыхъ они называютъ Приставами (Pristavos), т. е., какъ бы приставниками, продовольствія и лошадей. И такъ, когда онъ извѣстилъ Оршинскаго Вице-Каштеляна (Vice-Capitaneo), что онъ все устроилъ, мы ко дню, имъ назначенному, прибыли къ границамъ, которыя тогда состояли въ нѣкоторомъ валѣ у маленькой рѣчки, по имени Юратъ (Juratam), и тамъ, расположивши свои коляски въ формѣ луны, имѣющей, видъ серпа, ожидали того, который долженъ былъ вести насъ; и вотъ въ это мѣсто онъ послалъ на встрѣчу намъ одного Боярина, Дмитрія Зубатова (Demetrium Subatovium), мужа добраго, съ тридцатью конями, чтобы онъ, вмѣстѣ съ нами, шелъ въ Смоленскъ. И по тому наученные, мы угощали здѣсь его и его спутниковъ мальвазіей (vinum Malvaticum), и тѣмъ, что Москвитяне называютъ горячимъ виномъ (adustum), до которой они страстные охотники. Также мы старались заслужить благоволеніе Захара (Zaccharum) и всѣхъ, которые были на виду. И онъ

доставилъ намъ и лошадей и продовольствіе. Такъ какъ продовольствіе вначалѣ было очень дурно и по причинѣ поста, который тогда совершался, состояло изъ соленой рыбы, то потомъ, когда мы замѣтили ему о томъ, онъ держалъ насъ лучше, извиняясь тѣмъ, что необходимые припасы не могли скоро привозиться, такъ какъ эти мѣстности были обращены въ пустыню войнами предыдущихъ временъ, но чѣмъ далѣе мы будемъ подаваться, тѣмъ намъ со дня на день будетъ отпускаться лучшее, и что его Великій Князь отдалъ строжайшія приказанія на счетъ этого.

Когда мы прибыли къ городу Смоленску, отстоящему отъ Орши на 26 миль, былъ къ намъ высланъ на встрѣчу какой-то Князь Дмитрій Елецкій (Demetrius Jedlecius), одѣтый въ шелковую одежду, ткапую золотыми нитками, съ довольно большою дружиною, чтобы проводить насъ къ Великому Князю.

Они обыкновенно спорятъ и тягаются съ Послами другихъ Королей и Государей по большой части о какихъ ни будь церемоніяхъ и первенствѣ мѣстъ, но этого съ нами не случилось, по тому что мы прилежно разсудили о томъ, что, казалось, имѣетъ какое либо значеніе, чтобы чего ни будь не случилось противнаго достоинству нашего Императора; въ другихъ же пустякахъ мы побѣдили ихъ тонкимъ обхожденіемъ и уступчивостью.

Смоленскъ, чрезъ который протекаетъ Борисѳенъ, расположенъ между нѣкоторыми холмами, въ немъ всѣ зданія построены изъ дерева и безъ всякаго опредѣленнаго порядка; однако въ городѣ виднѣется много храмовъ, довольно красиво построенныхъ изъ жженаго кирпича. Самая крѣпость расположена на очень возвышенномъ мѣстѣ; кромѣ стѣны, которою она окружена, каменнаго храма и какихъ-то деревянныхъ заключеній, она ничего другого не имѣетъ.

Мы были встрѣчены у этого города съ великою торжественностью среди стрѣльцовъ и, въ сопровожденіи большой толпы народа, были проведены чрезъ городъ и переночевали въ маленькой деревушкѣ.

Спустя нѣсколько дней мы прибыли въ Дорогобужъ (Dorogobusium), отстоящій на восемьнадцать миль отъ Смоленска, и тамъ, къ величайшей досадѣ, были задержаны 6 недѣль. Туда Великій Князь прислалъ своихъ главныхъ вельможъ, которыхъ имѣетъ при Думѣ, чтобы они съ нами кое-что переговорили о нашемъ посольствѣ.

Объ ихъ прибытіи и о томъ, что они хотятъ говорить съ нами на слѣдующій день, намъ было объявлено нашимъ Приставомъ; кромѣ того онъ донесъ еще слѣдующее:

Такъ какъ мы оба пришли отъ великаго Императора, то изъ уваженія къ тому и другому, ими назначенъ для переговора домъ въ срединѣ города: они придутъ туда и просятъ, чтобы то же самое сдѣлали и мы.

Итакъ на слѣдующій день насъ ввели въ него, и сначала учтиво приняли насъ прекрасно одѣтые Бояре, прежде чѣмъ мы взошли на ступени; потомъ, послѣ того какъ вошли, другіе два, и въ третьей комнатѣ сами Послы, и мы окончили все, что было необходимо. За тѣмъ они освѣдомились у насъ, какіе мы намѣрены поднести дары, какъ отъ имени Императора нашего, такъ и отъ себя.

Когда они все, что узнали, донесли своему повелителю, то онъ письмомъ, написаннымъ по Нѣмецки, утѣшалъ насъ не предаваться скукѣ по причинѣ этой отстрочки; ибо ему до сихъ поръ многія и важнѣйшія дѣла мѣшаютъ до того, что онъ не могъ заняться нашимъ посольствомъ. Это письмо, списокъ котораго мы предлагаемъ тутъ, считалось чрезвычайнымъ изъявленіемъ отмѣнной милости:

«Дражайшаго брата нашего, Максимиліяна II, избраннаго Римскаго Императора, Посламъ Іоанну Кобенцелю и Даніилу Принцу.

Чтимъ Бога во С. Троицѣ, и благословенную Матерь Божію. Мы, могущественнѣйшій Государь и Великій Князь, Иванъ Васильевичъ, Повелитель всея Руси, Владимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій и Астраханскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, Новгорода Нижняго, Черниговскій, Рязанскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всей земли Сибирской и Сѣверной, наслѣдственный Государь Ливоніи и другихъ странъ. Дражайшаго брата нашего, Максимиліяна II, Божіею милостію избраннаго Императора Римскаго, всегда Августа, Короля Угорскаго, Чешскаго, Далматскаго, Хорватскаго, Славонскаго и другихъ странъ, Эрцъ-Герцога Австрійскаго, Герцога Бургундскаго, Штирскаго, Хорутанскаго и Виртембергскаго, Графа Тирольскаго и проч., Посламъ Іоанну Кобенцелю и Даніилу Принцу. Мы послали къ Вамъ знатныхъ и приближенныхъ Совѣтниковъ нашихъ, Никиту Романовича (Mykitam Romanovicium), Намѣстника Тверского (Olverensem), и Князя Василія Сицкаго

(Schiczki), Воеводу Можайскаго (in Mosaisko), и Дьяка (Cancellarium) Андрея Щелкалова (Szelkulovium), чтобы они узнали отъ Васъ, съ какимъ порученіемъ Вы присланы къ намъ отъ дражайшаго брата нашего, Максимиліяна, Римскаго Императора, и, кромѣ того, какая цѣль Вашего посольства. Мы узнали, что Вы отвѣчали на это требованіе тѣмъ же самымъ нашимъ Совѣтникамъ, что Вы посланы отъ брата нашего, Максимиліяна, Римскаго Императора, для нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дѣлъ, именно, чтобы скрѣпить ту братскую дружбу, которая до сихъ поръ существуетъ между нами, и чтобы переговорить съ нами о чемъ-то другомъ, что имѣетъ цѣлью миръ и пользу того и другого изъ насъ. Итакъ да не будетъ Вамъ это въ удивленіе, что Вы еще до насъ не были допущены; ибо препятствовали этому нѣкоторыя затруднительныя и великія дѣла, которыя встрѣтились у насъ въ нашихъ областяхъ, и которыя мы сами принуждены были осмотрѣть. А какъ только будетъ возможно, мы прибудемъ въ нашъ городъ Можайскъ, и туда повелимъ также привести и Васъ предъ наше лицо. Тамъ же мы переговоримъ о всемъ, что возложено на Васъ нашимъ братомъ, Максимиліяномъ, равно и о томъ, что покажется, что имѣетъ цѣлію пользу того и другого. Дано во дворцѣ нашемъ города Москвы въ годъ отъ сотворенія міра 7084, мѣсяца Декабря.»

Покуда мы были въ Дорогобужѣ, намъ не дозволено было выходить, осматривать замокъ, или даже говорить съ проходившими иногда Литовскими купцами; ибо такой обычай этого народа, еще не знакомаго съ болѣе просвѣщенными правами, держатьОсловъ иностранныхъ Государей почти запертыми, чтобы они не могли узнать, что у нихъ дѣлается.

Итакъ, хотя намъ доставляли все необходимое въ довольномъ количествѣ, однако такъ какъ мы имѣли въ своихъ домахъ много стражи, которая отъ насъ никогда не отходила, но была свидѣтельницею всего, что дѣлалось, и такъ какъ ни коимъ образомъ не дозволялось писать что либо къ Императорскому Величеству, или послать кого либо изъ своихъ, то намъ казалось, что насъ держатъ какъ плѣнниковъ, по тому, почти замороженные въ дымныхъ комнатахъ, мы наконецъ привезены были въ городъ Можайскъ, отстоящій отъ Москвы на 20, отъ Дорогобужа на 30 тысячъ шаговъ. На канунѣ нашего прибытія Великій Князь прислалъ въ даръ моему товарищу и мнѣ двѣ повозки, покрытыя бѣлыми медвѣжьими шкурами, съ двумя лошадьми. Когда мы были

въ одной мили отъ города, къ намъ на встрѣчу выѣхали 3 тысячи всадниковъ, всѣ одѣтые въ блестящія одежды, а когда мы подошли близко, они выстроились на лѣвой сторонѣ. Изъ числа трехъ первыхъ мужей, которымъ поручено было принять насъ и отвести на ночлегъ, отличавшихся отъ прочихъ достоинствомъ и одеждами, и ѣхавшихъ въ повозкахъ, когда они уже вышли изъ оныхъ послѣ нашего прибытія, первый изъ нихъ подалъ намъ по бумагѣ, что сдѣлали и остальные, въ слѣдующей формѣ:

«Во имя Св. Троицы. Царь и Великій Князь всея Руси, Іоаннъ Васильевичъ узналъ, что Вы посланы сюда драгоцѣннѣйшимъ братомъ, Максимиліяномъ, Римскимъ Императоромъ, по тому онъ приказалъ мнѣ спросить, какъ онъ здравствуетъ? Другой спросилъ у насъ именемъ того же своего Великаго Князя о нашемъ здравіи и благополучно ли мы совершили этотъ путь? Третій сказалъ, что онъ посланъ къ намъ, чтобы отвести насъ въ наше помѣщеніе и доставить все необходимое. Мы каждому изъ нихъ отвѣчали, какъ слѣдовало, превознося особено благоволеніе Великаго Князя къ Священнѣйшему Императору нашему, а къ намъ щедрость, которую до сихъ поръ мы испытали.

Итакъ, сидя въ одной повозкѣ, мы были привезены этими тремя и четвертымъ, Дмитріемъ, который до сихъ поръ былъ съ нами, въ какой-то домъ предъ городомъ, около монастыря Св. Николая. Тамъ наши проводники, посидѣвши немного съ нами, ушли къ Великому Князю доложить ему о нашемъ прибытіи. Возвратившись, они отъ его имени пригласили насъ немного отдохнуть послѣ безпокойствъ отъ долгаго пути; третій прочиталъ по бумагѣ какое послано намъ мясо, какіе меды, называя все своимъ именемъ, за что мы поблагодарили съ надлежашею почтительностью, и такъ какъ всего было большое изобиліе, то мы, удержавъ необходимое, остальное возвратили.

На слѣдующій день Пристава наши, возвратившись къ намъ, спросили каждаго по одиночкѣ отъ имени своего Царя (Imperatoris), хорошо ли мы спали, и нѣтъ ли у насъ въ чемъ либо недостатка? Поблагодаривши за особенную милость и чрезвычайную щедрость, мы сказали, что у насъ все въ достаточномъ количествѣ, но чтобы прежде всего позволено намъ было изложить свои порученія ихъ Великому Князю, а по тому мы просили бы исходатайствовать намъ пріемъ. Доложивши ему объ этомъ, они извѣстили насъ, что на слѣдующій же день мы будемъ имѣть желаемое, что намъ было очень пріятно.

Московскіе Бояре (nobiles), бывшіе съ нами, тотчасъ, по выходѣ изъ нашей комнаты, помѣнялись верхними одеждами съ другими своими родственниками, чтобы такимъ образомъ показать намъ свое богатство, что, однако, мы встрѣчали болѣе со смѣхомъ, чѣмъ съ какимъ либо удивленіемъ. Не возможно сказать, какъ этотъ народъ любитъ наружное щегольство. Самъ Великій Князь также имѣетъ обыкновеніе показывать чужестраннымъ Посламъ свое великолѣпіе сколько возможно съ большимъ тщаніемъ. То же самое случилось и въ это время: онъ почти изъ всѣхъ областей созвалъ своихъ дворянъ, или Бояръ (Bojarones), которые, одѣтые въ красивыя и блестящія одежды, наполняли весь тотъ городъ, гдѣ мы были.

У Московскаго Князя сложено огромное число самыхъ блестящихъ одеждъ, сдѣланныхъ для этой цѣли, въ его кладовой. Итакъ, когда приходятъ иностранные Послы, онъ уступаетъ оныя своимъ Боярамъ, которые вообще довольствуются дешевымъ платьемъ, и они очень заботятся, чтобы не замарать ихъ; если же будетъ какой ни будь вредъ, то принуждены бываютъ заплатить извѣстную пеню начальнику казны и изъянъ вознаградить.

Въ день, назначенный для пріема, Пристава извѣщаютъ насъ, что скоро мы увидимъ очи Великаго Князя (ибо они обыкновенно такъ выражаются). Итакъ, сѣвши въ свои повозки, съ великою торжественностью пріѣзжаемъ во дворецъ, построенный изъ дерева для принятія Пословъ въ этомъ городѣ; предъ нимъ стояли длиннымъ рядомъ стрѣльцы (sclopetarii) съ огромной толпой народа

Вошедши во дворецъ, мы вступили въ какую-то переднюю, въ которой неподвижно, съ великою важностью, сидѣло очень много Бояръ, одѣтыхъ въ праздничныя одежды, о которыхъ я сказалъ уже выше. Двое, посланные туда намъ на встрѣчу, привѣтствовали насъ, сообщая, что великій Государь покажетъ намъ свои очи. Потомъ, немного спустя, изъ средины Бояръ, которые стояли по обѣимъ сторонамъ, выступили намъ на встрѣчу другіе трое, достоинствомъ выше первыхъ, и сказали то же самое. Слѣдующую комнату, какъ первую, занимали другіе Совѣтники.

Вошедши въ ту комнату, въ которой Великій Князь сидѣлъ съ большимъ числомъ думныхъ Бояръ (Senatores), мы сначала, по своему обычаю, воздали ему почтеніе; послѣ того какъ мы подались немного впередъ, какой-то старецъ, вставши, сказалъ: «Великій Государь! (Imperator) Послы брата твоего, Максимиліяна, бьютъ тебѣ челомъ.» Онъ сидѣлъ, одѣтый въ Царское одѣяніе, укра-

шенное удивительнымъ образомъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; на головѣ у него надѣта была драгоцѣнная діадема; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ скипетръ. Надъ головой его висѣлъ образъ Дѣвы Маріи, а на противоложной сторонѣ—Св. Николая, котораго Русскіе, какъ сказано выше, считаютъ своимъ покровителемъ. Справа онъ помѣстилъ старшаго сына, еще безбородаго, державшаго въ рукѣ жезлъ, который они называютъ посохъ (Posoch); съ боку у него лежала діадема, блиставшая многими драгоцѣнными камнями и золотомъ. По обѣимъ сторонамъ стояли по два оруженосца, одѣтые въ шелковую одежду, въ рукахъ сѣкиры, на лѣвой сторонѣ два Дьяка, мужи благоразумнѣйшіе и мудрѣйшіе.

Итакъ, приведенные предъ его лицо къ лавкѣ, которая была поставлена предъ нимъ и на которой былъ разостланъ коверъ, мы отправили посольство.

По окончаніи привѣтствія онъ всталъ, и сначала спросилъ о здоровьѣ своего брата, Максимиліяна, потомъ: было ли намъ доставлено въ пути все необходимое; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пригласилъ насъ откушать съ нимъ его хлѣба-соли. На это мы чрезъ толмача отвѣчали, что его Священнѣйшее Цесарское Величество, милостивѣйшій нашъ Государь, при нашемъ отправленіи былъ здоровъ, и что мы доброту и щедрость его обильно испытали съ того времени, какъ прибыли въ его предѣлы, и за это благодаримъ его съ величайшею душевною признательностью. Послѣ того хотя онъ повелѣлъ сѣсть намъ, однако остальныя статьи посольства мы предложили стоя, и поднесли, кромѣ того, подарки отъ Цесарскаго Величества, именно: золотую букву М, которая была изящно съ великимъ искуствомъ украшена, такъ что верхняя часть представляла видъ Императорской діадемы, украшенной алмазами и величайшей жемчужиной, которая висѣла на срединѣ буквы. За тѣмъ и мы также поднесли съ надлежащимъ почтеніемъ свои подарки, которые уже прежде обозначены были въ бумагѣ и которые читалъ какой-то старецъ: они были отнесены въ кладовую. Изъ нихъ, что понравилось, онъ удержалъ, остальное же отдалъ нашимъ, такъ, однако, что всѣмъ послалъ.

Послѣ этого, когда онъ съ сыномъ подалъ намъ руку, которую мы, по нашему обычаю, поцѣловали, мы вошли въ другую комнату вмѣстѣ съ своими спутниками; немного потомъ спустя насъ ввели еще въ иную для обѣда. Въ комнатѣ этой была расположена величайшая и въ безчисленномъ количествѣ серебряная утварь,

состоящая изъ чашъ, сосудовъ для питья, чашекъ и стакановъ разнаго вида, на которую мы смотрѣли съ удивленіемъ.

У стола, находившагося по срединѣ, сидѣлъ родственникъ Великаго Князя, Никита Романовичъ, съ Воеводой города Можайска. Остальныя лавки занимали около 100, одѣтыхъ въ прекрасныя одежды, юношей, которые прислуживали при столахъ и которыхъ всѣхъ мы, по наставленію нашихъ Приставовъ, бывшихъ для насъ какъ бы церемоніймейстерами, привѣтствовали наклоненіемъ головы. Мы вошли въ комнату, въ срединѣ которой, также у стола, было размѣщено много позолоченныхъ сосудовъ, и въ которой уже прежде сидѣлъ у стола Великій Князь съ сыномъ и почти двумя стами своихъ вельможъ, которые, снявши прежнее платье, всѣ переодѣлись въ мѣховыя одежды; намъ также онъ повелѣлъ сѣсть туда, куда указалъ самъ пальцемъ, вмѣстѣ съ Приставами, также нашими спутниками, наконецъ и со слугами. За тѣмъ всѣ Стольники (dapiferi), выступая по порядку и постоявъ немного предъ столомъ своего Государя, снова выходятъ и приносятъ изжаренныхъ, но не разрѣзанныхъ еще, лебедей на тарелкахъ и, показавъ ихъ, опять уносятъ.

Когда они были за дверями, Великій Князь прежде всего чрезъ придворнаго передалъ хлѣбъ сыну, нѣкоторымъ своимъ вельможамъ, которые сидѣли за однимъ столомъ съ нимъ на разстояніи нѣсколькихъ локтей, потомъ и намъ чрезъ придворнаго же, который къ каждому обращался съ слѣдующими словами: «Ивану,» или «Даніилу» Великій Князь подаетъ» (Iuan vel Danielo Czar y wieliky kniaz podaiet). При этихъ словахъ мы встали и благодарили не только его, но также и остальныхъ, которые оказывали намъ такую честь. Немного спустя Стольники приносятъ разрѣзанныхъ уже, разложенныхъ по частямъ въ меньшія блюда и приправленныхъ лукомъ, лебедей, и предлагаютъ ихъ своему Государю. Отвѣдавши, онъ пересылаетъ нѣкоторыя части своимъ вельможамъ и намъ.

Такимъ же образомъ намъ подносилось много стакановъ, наполненныхъ превосходнымъ виномъ и прекраснымъ медомъ; мы принимали съ должною почтительностью, но всего, впрочемъ, выпить не могли. Обѣдъ этотъ, продолжавшійся нѣсколько часовъ ночи, устроенъ былъ велѣколѣпно; однако мы не имѣли тарелокъ и другихъ приборовъ, которые мы употребляемъ. Я съ своимъ товарищемъ довольствовался единственнымъ ножомъ, добытымъ у одного Боярина.

Подавали очень много кушаній, полныхъ чесноку и луку, сваренныхъ, однако, отличнымъ способомъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ у насъ. Почти подъ конецъ обѣда онъ раздаетъ каждому Стольнику соленыя сливы, которыя они обыкновенно употребляютъ при жареномъ мясѣ, какъ у насъ лимоны; когда я спросилъ о причинѣ этого, то мнѣ сказали, что Великій Князь оказываетъ этимъ способомъ свою милость придворнымъ, и этотъ же самый обычай наблюдаютъ и другіе знатные вельможи, которые изъявляютъ благоволеніе своимъ служителямъ, подавая имъ что ни будь со стола изъ пищи. По окончаніи обѣда, когда мы уже встали, онъ своею рукою подалъ каждому изъ насъ по стакану краснаго меда и отпустилъ насъ въ гостиницу. Туда за нами слѣдовали наши Пристава, и были принесены различные роды медовъ и въ большомъ числѣ позолоченныя чаши. И тутъ они тотчасъ убѣждали насъ предаться веселости и осушить много стакановъ, и какъ въ этомъ они не хотѣли успокоиться, не принимая никакихъ извиненій, то мы, на сколько только можно было, и оказали имъ послушаніе, желая здоровья по обычаю Императору нашему и Великому Князю.

На третій день послѣ этого съ тою же самою торжественностью и, какъ прежде, окруженные многими всадниками, мы прибыли въ тотъ же самый дворецъ.

Посидѣвши немножко на лавкѣ у Великаго Князя, мы вошли въ очень обширную комнату и разсуждали съ двумя вельможами и тремя Дьяками о всѣхъ статьяхъ нашего посольства съ ловкостью и осторожностью, какія только были возможны, и это дѣло окончили очень счастливо, такъ какъ Богъ помогалъ намъ. На каждую статью нашего посольства вельможи и Дьяки отвѣчали намъ, а переговоривши съ нами о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, отпустили насъ домой.

На слѣдующій день, въ третій разъ приведенные во дворецъ, мы съ Совѣтниками окончили то, что еще оставалось. Отсюда, какъ намъ было приказано, мы, среди Бояръ, занимавшихъ всѣ комнаты, пришли къ Великому Князю. Онъ, велѣвши намъ сѣсть, немного спустя сказалъ, вставши предъ началомъ своей рѣчи: «Такъ какъ мы посланы его драгоцѣннѣйшимъ братомъ, Максимиліяномъ, то онъ, узнавши статьи нашего посольства, обсудилъ оныя съ своими Боярами и Дьяками. И по тому, что они намъ донесли, то должно считать какъ бы они слышали изъ собственныхъ его устъ, именно: что онъ очень желаетъ, чтобы старинная дружба

съ его драгоцѣннѣйшимъ братомъ, Максимиліяномъ, опиралась на твердыхъ основаніяхъ и оставалась бы постоянной, и что онъ постарается объ этомъ. Желая для этого послать своихъ Пословъ, онъ проситъ, чтобы одинъ изъ насъ оставался здѣсь до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ отправятся.» По окончаніи рѣчи онъ самъ подалъ намъ и нашимъ спутникамъ по двѣ позолоченныхъ чаши, наполненныхъ превосходнѣйшимъ медомъ, и послѣ того, какъ мы поцѣловали у него и у сына его руку, отпустилъ насъ отъ себя.

На слѣдующій день онъ послалъ въ нашу гостиницу своихъ поваровъ, серебряную и кухонную, посуду и далъ намъ блестящее угощеніе съ великою пышностью, и мы, приглашенные на него своими Приставами, провели этотъ день съ ними въ веселіи; по окончаніи же его мы предложили каждому изъ нихъ кое-какіе подарки, получать которые они страстные охотники; получивши ихъ, они тотчасъ, по обычаю, понесли ихъ къ своему Государю для осмотра.

На восьмой день послѣ нашего прибытія, когда мы уже приготовлялись въ путь, присланы были къ намъ, Баронамъ и Дворянамъ, бывшимъ съ нами, дары изъ собольихъ мѣховъ. И хотя нѣкоторымъ изъ нашихъ было возвращено то, что они подарили, какъ по большей части онъ имѣетъ обыкновеніе то дѣлать, однако онъ всѣмъ изъ Царской щедрости послалъ въ подарокъ однимъ сорокъ (что они называютъ Sorock), другимъ половину выше названныхъ мѣховъ. Принявши это съ должнымъ почтеніемъ, мы отправились въ путь: товарищъ мой въ Литву, а я въ Ливонію, сопровождаемый до самыхъ границъ нѣкоторыми знатными, заботившимися для насъ о необходимомъ. Потомъ мнѣ нужно было писать, чтобы ко мнѣ присоединились Послы Московскаго Князя, Захарій Ивановичъ Сугорскій и Андрей Арцыбашевъ (Zachariam Ivanovicium Suhorski et Andream Arcibasovium), которыхъ, однако, я принужденъ былъ не безъ величайшей досады ожидать даже до Мая мѣсяца въ Деритѣ, и чрезъ Ливонію, Курляндію, Пруссію, Поморье, Мархію, Лужицы, Чехію, доставилъ я ихъ невредимыми, не безъ многихъ опасностей, къ Священнѣйшему Императору Максимиліану II, державшему тогда, для блага Римской Имперіи, сеймъ въ Регенсбургѣ (Augustae Tiberii), который называется Ratisbona. По окончаніи посольства, приведши обратно ихъ въ Штетинъ и посадивши на корабль, я поручилъ ихъ Богу и вѣтрамъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ истинномъ значеніи слова «Царь».

Что Государство Московскихъ Князей изъ незначительнаго возросло до той обширности, въ которой нынѣ находится, это легко уже понятно изъ предыдущаго. Ибо хотя въ продолженіи долгаго времени потомки Кіевскаго Князя, Владимира, владѣли всею Русью, раздѣливши ее между собой, и каждый управлялъ своими владѣніями на всей своей волѣ, однако они признавали первымъ по достоинству того, кто владѣлъ Владимиромъ. Иванъ же Васильевичъ, дѣдъ нынѣ царствующаго, такъ какъ его родственники отъ взаимныхъ усобицъ уменьшились донельзя, да и самъ онъ также многихъ лишилъ жизни за ослѣпленіе своего отца, то, по низверженіи Татарскаго ига, имѣя возвышенный характеръ, первый назвалъ себя «Царемъ» (Czarum), чего до того Московскіе Князья никогда не употребляли. Внукъ Владимира, отъ сына Всеволода, одного имени съ дѣдомъ, названъ Русскими Мономахомъ (Monomach) за то, что, какъ сказано въ ихъ лѣтописяхъ, онъ, однихъ изгнавъ, другихъ побѣдивъ почти всѣхъ родственниковъ, властвовалъ одинъ; этотъ титулъ, однако, я не нахожу переданнымъ никому послѣ него.

Даже и титулъ «Великій Князь» также не такъ древній; ибо первый началъ употреблять его Даніилъ, шестой отъ Мономаха, перенесшій свое мѣстопребываніе въ городъ Москву и построившій въ ней кремль.

Москвитяне утверждаютъ, что Московскіе Князья назывались Царями по всему праву и издревле. Ибо, во первыхъ, они относятъ происхожденіе своего Князя къ Кесарю Августу, какъ сказано было въ первой главѣ; во вторыхъ, такимъ же образомъ, какъ мнѣ кажется, и великіе герои у поэтовъ, достигши особеннаго значенія, не смотря на свое низкое происхожденіе, хвалились тѣмъ, что начало свое ведутъ отъ боговъ. Такъ Ромулъ былъ сынъ Марса, Геркулесъ — Юпитера.

Потомъ пишутъ, что Владиміръ, Князь Кіевскій, возведенъ былъ въ это достоинство Константинопольскими Царями, съ которыми онъ вошелъ въ родство посредствомъ присланной чрезъ Митрополита знаменитой шапки съ оплечьемъ, конечно, Императорскимъ.

На сколько все это правда, пусть судятъ другіе; я, по крайней мѣрѣ, вижу, что его (Ивана), въ слѣдствіе всего этого, и побудили, чтобы онъ первый усвоилъ себѣ этотъ титулъ. Тотчасъ съ первыхъ же лѣтъ, по требованію и побужденію природы, занялся онъ великими дѣлами. А чтобы кто ни будь не воспрепятствовалъ ему въ этомъ намѣреніи — распространить свою власть и достоинство, онъ умертвилъ тѣхъ, которые, казалось, препятствуютъ его могуществу, и началъ помышлять о покореніи сосѣднихъ народовъ. И такъ какъ онъ испытывалъ довольно счастливый успѣхъ въ дѣлахъ, и не зналъ, что есть называющіе себя Цезарями или Императорами Римлянъ, Турокъ, то онъ и думалъ, что будетъ справедливо, если и Русскіе у полунощуной страны возвысятся до того же совершенства. Если это онъ сдѣлаетъ самъ, имя его будетъ славнѣе. Итакъ съ того времени Московскіе Князья требуютъ себѣ имени Императора и утверждаютъ, что они держатъ въ своей рукѣ скипетръ всего Сѣвера. Если кто ни будь отрицаетъ это, того обвиняютъ въ оскорбленіи Величества, и тѣмъ онъ навлекаетъ на себя величайшее порицаніе. Онъ называетъ себя самодержцемъ (monarcha) всея Руси; но этого титула ему не воздаютъ Короли Польскіе, присоединившіе къ своему Государству большую часть его страны то посредствомъ браковъ, то другими способами. Однако, что предки его были нѣкогда самодержцами всей Руси, этого вообще отрицать нельзя.

Слово Царь получило начало отъ Скиѳовъ, древнѣйшаго народа, вожди котораго называются Царями. По тому что у нихъ каждая орда, на которыя они были раздѣлены, какъ нѣкогда Израильтяне на колѣна, управлялась своимъ Царемъ. Царь ихъ начальствуетъ надъ жителями Херсонеса Таврическаго, которые называются Перекопскими (Precopenses) (ибо перекопъ (Precop) означаетъ ровъ) отъ рва, сдѣланнаго при входѣ, чтобы представить видъ острова, и далеко превосходитъ остальныхъ вліяніемъ и могуществомъ, но все же платитъ дань Турецкому Султану. Ханъ ихъ, выгнанный имъ изъ города Кафы, прежде Ѳеодосіи, живетъ въ Крымѣ (Crimnii), и по тому Москвитянами называется Крымскимъ (Crimsky). Казанцы и Астраханцы у рѣки Волги въ прежнія времена имѣли своихъ Царей, которые, однако, долгое время принуждены были платить дань Московскимъ Князьямъ. Скоро потомъ ихъ покорилъ подъ свою власть Иванъ Васильевичъ, какъ было сказано выше, когда они подняли смуты и хотѣли сбросить это раб-

ство. Итакъ титулъ ихъ Московскій Князь употребляетъ для себя и называетъ себя Царемъ той и другой страны.

Сомнительно, откуда это слово ведетъ свое начало; а что̀ оно означаетъ, я постараюсь объяснить. Писатели Русскіе, каждый разъ какъ вспоминаютъ о Давыдѣ, Соломонѣ и другихъ Царяхъ Израильскаго народа, называютъ ихъ Царями (Czaros). Отъ этого слова всякое Царство называется существительнымъ именемъ Царство (Czarstuvo). Въ исторіи страданій Христовыхъ Іудеи восклицаютъ: «Не имамы Царя, токмо Кесаря.» Въ этомъ мѣстѣ въ Русскомъ переводѣ поставлено, вмѣсто имени «Regis,» слово «Czar», а вмѣсто «Caesaris»—«Кесарь» (Kesar).

Отсюда я вывожу ту достовѣрную догадку, что Русское Царь означаетъ Rex; но невѣжественные толмачи и льстецы, по причинѣ сходства, которое находится въ томъ и другомъ словѣ, хотятъ, чтобы слово это было Цезарь, и воздаютъ Великому Князю тѣ же титулы, какіе Римскому Императору. Даже отъ сосѣдей, особенно тѣхъ, которые страшатся его могущества, онъ украшается титуломъ Русскаго Цесарскаго Величества. Въ этомъ дѣлѣ онъ такъ заинтересованъ, что не принимаетъ никакихъ грамотъ, которыя не имѣютъ слова «Царь, и много споритъ объ этомъ съ иностранными Послами. А чтобы показать свое величіе наружнымъ видомъ, онъ въ извѣстныя времена надѣваетъ на себя Императорскую багряницу, возлагаетъ на свою голову діадему, украшенную многими и драгоцѣннѣйшими камнями, и держитъ въ рукѣ скипетръ, который означаетъ власть его надъ всѣмъ Сѣверомъ, между тѣмъ какъ его предки довольствовались одною только палкой, которую они называютъ посохъ (Posoch) и которую онъ обыкновенно употребляетъ. Послѣдній у него иногда заступаетъ мѣсто меча, особенно если онъ разгнѣванъ на кого ни будь, что̀ случилось, какъ мы узнали, не за долго до нашего прибытія съ однимъ знатнымъ мужемъ, который еще въ нашемъ присутствіи носилъ на лицѣ повязку. Итакъ изъ этого, я думаю, ясно, что величайшая разница существуетъ между титуломъ Цезаря и Царя.

У Татаръ очень много Царей, которые часто со всѣми тѣми, коихъ считаютъ подвластными себѣ по судебной власти, пользуются, вмѣсто крѣпостей кибитками, вмѣсто пищи однимъ только мясомъ безъ хлѣба (ибо они совсѣмъ не имѣютъ зернового хлѣба), вмѣсто питья—молокомъ кобылицъ * и другихъ животныхъ. Каково

* Въ подлинникѣ ошибочно «aquarum,» но въ Нюрнбергскомъ изданіи 1668 правильно «equarum.» О. Б.

могущество Московскаго Князя, которое достигло до этого блеска въ небольшой промежутокъ времени, очень ясно изъ предыдущаго. По этой причинѣ онъ не только приравниваетъ себя къ другимъ Императорамъ, но твердо увѣренъ, что и превосходитъ ихъ, называя себя самодержцемъ всея Русіи. Такого же мнѣнія держатся и всѣ его подданные, что на всемъ свѣтѣ не найти самодержца съ большимъ могуществомъ и величіемъ. Да и въ недавніе еще годы онъ возложилъ на одного своего подручника діадему и назвалъ его Царемъ; однако я не могъ примѣтить въ послѣднемъ Царскаго величія, такъ какъ онъ принужденъ жить по волѣ своего повелителя; но, можетъ быть, съ теченіемъ времени для него настанетъ лучшая судьба.

Вмѣсто герба (pro insignibus) Московскіе Князья въ продолженіе долгаго времени употребляли образъ Св. Георгія воина, поражающаго копьемъ дракона; этотъ же гербъ употребляютъ и Острожскіе Князья, происходящіе отъ Русской крови. А Иванъ Васильевичъ, пріобрѣтши два Царства, Казанское и Астраханское, по собственной волѣ, какъ я думаю, выбралъ себѣ двуглаваго орла съ распущенными крыльями, около котораго написано его имя съ главными областями, а у орла на груди помѣщенъ образъ Георгія. Такъ какъ Августѣйшій Императоръ Максимиліанъ не зналъ истиннаго значенія слова «Царь,» то, въ слѣдствіе многихъ побужденій, особенно по настоянію Пословъ Московскаго Государя, далъ ему слѣдующій титулъ: «Свѣтлѣйшему и Могущественному Государю, Царю Ивану Васильевичу, Повелителю всей Руси, Великому Князю Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Государю Искова, Смоленска и Твери, Царю Казанскому и Астраханскому, другу и брату нашему единственному.»

А вотъ слѣдующій титулъ онъ самъ обыкновенно употребляетъ въ своихъ грамотахъ, посылаемыхъ иностраннымъ Государямъ. Этотъ титулъ всѣ его подданные должны держать въ памяти самымъ тщательнымъ образомъ, словно ежедневныя молитвы: «Божіею милостію, Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, Владимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, Новгорода Нижняго, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всей земли Сибирской и Сѣверной, испоконъ наслѣдственный Государь Ливоніи и другихъ многихъ странъ.»

Къ этому титулу онъ часто прибавляетъ названіе монарха (monarchae), что на Русскомъ языкѣ, который, какъ Греческій, въ сложеніяхъ весьма счастливъ, очень удачно переводится словомъ самодержецъ (samoderzetz), такъ сказать, который одинъ держитъ правленіе. Символомъ Великаго Князя Ивана Васильевича было: «Я никому не подвластенъ, развѣ Христу, Сыну Божію» (Nemini subjectus sum, quam Christo, filio Dei).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О бракѣ.

Русскіе имѣютъ слѣдующій обычай: дѣвицы часто прежде достиженія совершеннолѣтія вступаютъ въ бракъ на десятомъ году возраста, юноши на двѣнадцатомъ, или пятнадцатомъ (хотя мы видѣли нѣкоторыхъ мужей и одиннадцати лѣтъ отъ роду); дѣвицы и жены, особенно у богатыхъ, постоянно содержатся дома въ заключеніи и никогда не выходятъ въ общественныя мѣста.

Относительно этого мужья часто такъ бываютъ ревнивы, что не позволяютъ видѣть своихъ женъ, или дочерей, даже своимъ братьямъ, или ближайшимъ родственникамъ.

Если женщины выѣзжаютъ, или взаимно посѣщаютъ другъ друга, то онѣ и въ зимнее и въ лѣтнее время употребляютъ крытыя повозки безъ колесъ. Кто желаетъ заключить бракъ, тотъ долженъ слѣдовать въ этомъ дѣлѣ указанію другихъ; по тому что ему самому ни какъ не дозволяется видѣть дѣвицу, особенно взрослую. Итакъ если онъ захочетъ имѣть какое либо понятіе о наружности, или красотѣ ея, то принужденъ пользоваться услугами матери, или другой родственницы, и на этомъ успокоиться. Если по такому донесенію она понравится ему, то онъ проситъ ее чрезъ друзей. Если онъ достигаетъ того, что ее за него выдаютъ, то дѣлается по условію приданое и подарокъ для свадьбы, къ этому иногда прибавляется условіе: буде до совершенія брака женихъ перемѣнитъ намѣреніе, то онъ платитъ извѣстное количество денегъ.

Наконецъ въ день, назначенный для свадьбы, при которой не бываетъ обыкновенно ни одной дѣвицы, невѣста съ закрытымъ лицомъ приводится въ храмъ и, при благодарственныхъ

молитвахъ, Священникъ соединяетъ ее съ женихомъ. По окончаніи этого старушки, которыя однѣ только бываютъ и снаряжаютъ молодую, отводятъ ее домой, ставятъ у постели и, снявши покрывало, наконецъ-то показываютъ ее жениху; нравится ли она, или не нравится, онъ принужденъ бываетъ взять ее. Русскіе сами утверждаютъ, что многихъ такимъ образомъ отлично обманываютъ.

Однако, дѣвицъ хромыхъ и подверженныхъ другимъ недостаткамъ очень рѣдко выдаютъ замужъ, но по большой части либо заключаютъ въ монастырь, либо же содержатъ въ домахъ родителей. Дочерей Бояръ, особенно прекраснѣйшихъ, Великій Князь тотчасъ призываетъ въ свой женскій теремъ и выдаетъ ихъ по своему усмотрѣнію за своихъ придворныхъ.

Никакъ не дозволяется, чтобы юноши, взявшись за руки съ дѣвицами, водили хороводы (choreas), но, называя ихъ средствомъ къ сладострастію, всѣми силами проклинаютъ. Только комедіянты, ради прибытка, производятъ на улицѣ нѣкоторыя пляски съ какими-то глупыми движеніями. Вступать въ бракъ Русскимъ съ нашими дѣвицами мѣшаетъ религія, если только онѣ не крестятся вновь; однако очень многихъ, взятыхъ на войнѣ, держатъ они вмѣсто наложницъ. У нихъ ради безплодія и по другимъ причинамъ дозволяются просьбы о расторженіи брака, особенно для знатнѣйшихъ. Очень многіе монастыри наполнены женщинами почти такого рода. Одежда женщинъ почти такова: онѣ носятъ длинныя платья, мало по малу расширяющіяся отъ верхней части; гдѣ только открыты, съ широчайшими рукавами; эти одежды немного отличаются отъ бѣлыхъ Священническихъ одеждъ. На нихъ накидываются другія, у которыхъ рукава болѣе узки и спускаются до земли; на плечахъ онѣ связываются пряжками. Въ ушахъ женщины всѣхъ возрастовъ носятъ различнаго рода украшенія, большею частію похожія на кольца, искусно сдѣланныя изъ золота, серебра, мѣди, или олова. Серьги иногда бываютъ довольно большихъ размѣровъ и считаются за особенное украшеніе. Головы покрываютъ маленькими шапочками и прикалываютъ къ сорочкамъ цѣпи, украшенныя жемчужинами.

У женъ Великаго Князя и другихъ Бояръ даже до третьяго года послѣ совершенія брака, или до тѣхъ поръ, пока не родятъ въ первый разъ, привѣшаны къ ушамъ цѣпочки изъ золота, или жемчуга, и головы покрыты какими-то особенными повязками, которыя называютъ киками (Kiky). Дѣтей отъ четвертаго брака

Русскіе считаютъ незаконнорожденными, да и едва дозволяютъ второй и третій бракъ.

Въ этомъ мѣстѣ я рѣшаюсь предложить, съ какими обрядами въ 1573 году отъ Р. Хр. была выдана въ замужство за Герцога Гольштинскаго, Магнуса, Марія, дочь Владимира, двоюроднаго брата Ивана Васильевича.

Высочайшій Герцогъ, желая поправить свои разстроенныя дѣла, страстно искалъ этого брака. И когда онъ прибылъ въ Новгородъ для торжества бракосочетанія и былъ уже недалеко отъ храма, то для него до самаго входа въ храмъ было постлано Дамасское сукно краснаго цвѣта, что до тѣхъ поръ удавалось очень немногимъ имѣть, или, можетъ быть, и никому. Послѣ того, какъ онъ вошелъ въ храмъ и постоялъ немного, Дьякъ Андрей Щелкаловъ (Sczolkalovius), мужъ благоразумнѣйшій, разостлалъ по срединѣ другое сукно того же цвѣта, прибавивъ въ извѣстномъ порядкѣ нѣсколько собольихъ мѣховъ. Когда женихъ съ невѣстой пришли на это мѣсто, то Нѣмецкій Священникъ совершилъ о благопоспѣшеніи моленіе, по обычаю нашихъ церквей. За тѣмъ посадили обоихъ на лавку, покрытую шелкомъ и подушками, а между гостями и придворными бросали драгоцѣннѣйшіе мѣха, къ которымъ привязывались золотыя монеты, подостланное же Дамасское сукно, вмѣстѣ съ мѣхами, пошло къ Священнику. Отсюда отправились къ столу, а по окончаніи обѣда жениха съ невѣстой повели въ спальню, построенную изъ деревянныхъ брусьевъ (въ промежуткѣ между которыми, не знаю, въ слѣдствіе какого суевѣрія, мохъ не былъ вколоченъ, что обыкновенно бываетъ въ другихъ мѣстахъ) и украшенную краснымъ сукномъ. Въ передней комнатѣ нѣкоторыя знатныя и престарѣлыя женщины бодрствовали въ продолженіи нѣсколькихъ ночей. Два придворныхъ объѣзжали спальню жениха во всю ночь, держа въ рукахъ мечи наголо; имъ поручено было рѣшительно никого не подпускать къ этой комнатѣ; если бы же кто захотѣлъ подойти, того, хотя бы онъ былъ сынъ Великаго Князя, рубить, не принимая ничего въ разсужденіе. На слѣдующій день Московскій Князь послалъ молодымъ въ подарокъ драгоцѣннѣйшія одежды, подбитыя превосходнѣйшими мѣхами, и съ величайшей веселостью завтракалъ съ ними. Хотя же Марія вышла замужъ за Нѣмецкаго Принца, тѣмъ не менѣе она соблюдаетъ обряды Греческой Церкви.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О законахъ.

Воля Великаго Князя для всѣхъ законъ; если онъ зоветъ въ военный походъ, то ему повинуются безъ всякой отговорки. Русскіе обнаруживаютъ это повиновеніе во всемъ; въ городахъ нѣтъ никакихъ ни Консуловъ, ни Сенаторовъ, которыхъ даже имена имъ совершенно не извѣстны. По большей части начальниками надъ гражданами поставляются Бояре (nobiles), которые свирѣпствуютъ надъ несчастнымъ простымъ народомъ съ величайшею жестокостію, и очень часто за самые легкіе проступки бьютъ батогами, бросаютъ въ темницы, или наказываютъ денежными пенями. Не возможно сказать, какъ они обдираютъ несчастныхъ людей и лишаютъ почти всего имущества, кои, среди всякихъ несправедливостей, не смѣютъ даже пикнуть.

Если кто имѣетъ наслѣдственныя имѣнія, то передаетъ ихъ ближайшимъ родственникамъ, а полученныя отъ Великаго Князя даромъ изъ щедрости, которою онъ обыкновенно привлекаетъ къ себѣ даже многихъ нашихъ земляковъ, по смерти владѣтеля возвращаются ему. Однако если останутся дѣти, то половина помѣстья оставляется на ихъ воспитаніе, если только отецъ не сдѣлалъ какого либо проступка. Когда они достигнутъ пятнадцати лѣтъ, то начинаютъ служить, и, если хорошо служатъ, могутъ вновь получить отцовское помѣстье. Надъ крѣпостями, особенно пограничными, ставятся два, иногда даже три, начальника, которые называются Воеводами (Waywodas), съ тѣмъ, чтобы одинъ другого держалъ въ повиновеніи. Но и ихъ для того, чтобы преградить всякій случай къ переворотамъ, посылаютъ иногда въ другое мѣсто.

Жалко состояніе городовъ, которые Царь покорилъ въ Ливоніи. Ибо такъ какъ прежніе жители или получили приказаніе выселиться, или были отведены въ Московію, то зданія общественныя и частныя, священныя и мірскія, построенныя съ величайшими издержками, угрожаютъ развалинами, или лежатъ даже пустыми.

Если остались какіе либо Нѣмцы, то имъ причиняется всякая непріятность, отнимается всякій способъ къ отысканію пропитанія, такъ что хотя имъ обѣщана, не знаю, какая свобода, однако они живутъ угнетенные большимъ рабствомъ.

Въ томъ самомъ году, въ которомъ мы отправляли посольство, послѣ того какъ онъ по сдачѣ овладѣлъ нѣсколькими замками, Татары, уходя, увели съ собой большое множество людей. Ихъ распродаютъ, гдѣ можно, или употребляютъ у себя для земледѣлія. Женщинъ, особенно молоденькихъ, употребляютъ вмѣсто своихъ наложницъ.

Когда я спросилъ своего Пристава, по чему ихъ Великій Князь дозволилъ такое своеволіе Татарамъ надъ несчастными людьми, которые, однако, крещены во имя Христа, онъ отвѣчалъ: «Это по тому, что они должны были бы повиноваться по нѣкоторому наслѣдственному праву ихъ Князю; кромѣ того, такъ какъ они не вѣрятъ въ Св. Матерь Христа, въ двенадесять Апостоловъ, четырехъ Евангелистовъ и Епископа Николая, который славится многими чудесами, и не почитаютъ иконъ, то ихъ они и не признаютъ за истинныхъ Христіянъ.»

Воры, прелюбодѣи и всѣ совершающіе подобныя преступленія, обыкновенно наказываются только по усмотрѣнію наказаніемъ, которое никогда почти не доходитъ до смерти. Будъ считаютъ небольшимъ грѣхомъ.

Человѣкоубійцы и совершившіе, кромѣ того, какое ни будь преступленіе, лишаются жизни по Римскому обычаю, т. е., топоромъ на плахѣ. Если кто ни будь оскорбитъ Величество Великаго Князя, того по большей части разсѣкаютъ въ кусочки, и не рѣдко, какъ было сказано, и вся его семья въ корень истребляется. За болѣе легкіе проступки обнажаютъ до пояса и, выведши на улицу, бьютъ кнутомъ, въ то же время сильно ударяя двумя, или тремя, батогами, какъ бы по наковальнѣ; этому наказанію не рѣдко подвергаются даже самые Бояре и духовныя лица.

Должникамъ или даже ихъ поручителямъ, если они не заплатятъ извѣстныхъ денегъ въ назначенный срокъ, каждый день у крѣпости, или другого общественнаго мѣста, отпускаютъ извѣстное число ударовъ по голени, или икрамъ ногъ, что продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока они не сдержатъ своего слова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О правахъ и образѣ жизни.

Москвитяне, намѣреваясь начать важныя дѣла, привыкли употреблять торжественную формулу: «Во имя Святой и Нераздѣльной Троицы, Отца, Сына и Св. Духа. Аминь.» Такимъ образомъ Великій Князь Московскій всѣмъ грамотамъ, которыя онъ отправляетъ къ иностраннымъ Государямъ, обыкновенно предпосылаетъ слѣдующее торжественное призваніе Св. Троицы, которое я перевелъ съ Русскаго (ex Ruthenico transtuli), конечно, какъ могъ: «Троица Святѣйшая, Пребожественная и Преблагая, которая даешь мудрость вѣрующимъ въ Тебя истиннымъ Христіянамъ; Ты всегда невидима, преславна, начало и конецъ всего; проведи насъ въ стезяхъ Твоихъ и наставь къ исполненію повелѣній Твоихъ, да скажемъ въ народѣ Твоемъ о волѣ Твоей. Милостію и благоволеніемъ сего Бога, въ Троицѣ славимаго, мы доселѣ владѣемъ кормиломъ Русскаго Государства.» При встрѣчѣ Русскіе привѣтствуютъ другъ друга взаимно наклоненіемъ головы; то же соблюдаютъ при благодарности. Что этотъ обычай они заимствовали отъ Грековъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ Литургіи Златоустаго, при чтеніи тайныхъ молитвъ, Священнику повелѣвается наклонить голову. Также народъ увѣщевается: Τὰς κεφαλὰς ὑμῶν τῷ Κυρίῳ κλίνατε, т. е., «Главы ваша Господеви преклоните.» Чѣмъ кто знатнѣе, тѣмъ большее уваженіе оказывается ему этимъ наклоненіемъ. Желая показать великое униженіе, они хватаютъ правой рукой за подолъ платья и имъ касаются до земли. Если припадаютъ къ стопамъ Великаго Князя и вымаливаютъ его милосердія, то ударяютъ въ землю челомъ. Отсюда, для изъявленія покорности кому ни будь, употребляютъ выраженіе: «челомъ бью.» Народъ Московскій по природѣ гордъ и надменъ: такъ какъ своего Князя они предпочитаютъ всѣмъ Государямъ, то и себя также считаютъ выше всѣхъ другихъ народовъ. Не рѣдко, преступая предѣлы истины, чрезвычайно превозносятъ все свое, и этимъ хвастовствомъ и тщеславіемъ думаютъ придать много достоинства своему Князю. Если кто ни будь изъ присутствующихъ вспомнитъ о немъ, и тѣ не обнажатъ головъ, то имъ тотчасъ напоминаютъ объ этой обязанности.

Если они приносятъ кому либо его грамоты, то несутъ ихъ, взявшись за нихъ двумя пальцами и поднявши къ верху, и пере-

дaютъ съ величайшимъ почтеніемъ, кому онѣ слѣдуютъ. Свое имя на нихъ онъ обыкновенно никогда не подписываетъ, но писецъ предпосылаетъ началу цѣлый титулъ. Даже и простые люди обыкновенно никогда не предпосылаютъ свои имена письмамъ, а подписываться считаютъ для себя позорнымъ.

Къ сладострастію Москвитяне очень склонны; не рѣдко оскверняютъ себя прелюбодѣяніемъ, блудомъ и проклятымъ Содомскимъ грѣхомъ.

За столомъ они держатся самыхъ простыхъ обычаевъ, и такъ какъ не употребляютъ никакихъ тарелокъ, то пищу берутъ пальцами изъ чашекъ; этотъ обычай можетъ быть ведетъ начало отъ Святослава, сына Ольги, которая потомъ названа была Еленой. По тому что онъ считалъ орудія этого рода выдуманными для роскоши и употребленіе ихъ, какъ излишнее, отнялъ у своихъ.

Рыганіе у Русскихъ считается признакомъ образованности; какъ у нихъ за столомъ не бываетъ ничего чаще, какъ брать съ ними пищу, то я не нахожу это большимъ удовольствіемъ.

Великій Князь Московскій имѣетъ въ изобиліи серебряную посуду и при пирахъ онъ употребляетъ ее въ большомъ количествѣ, чтобы показать свое богатство.

Знатные же очень часто ставятъ на своихъ столахъ деревянныя чаши и стаканы, которые, однако, монахи въ нѣкоторыхъ монастыряхъ дѣлаютъ весьма изящно и искусно украшаютъ кругомъ золотомъ.

Оловянные сосуды у нихъ очень рѣдки, умалчивая о другихъ болѣе дорогихъ. Однако, всякій изъ Бояръ (Bojaronum) или знатныхъ (nobilium) держитъ у себя серебряную чарку, которую всѣмъ подноситъ выпить съ водкой, въ какое бы время дня то ни случилось. Если бы они были хотя нѣсколько людьми образованными, и если бы имъ была по сердцу жизнь болѣе человѣческая, то они съ небольшими издержками могли бы жить пышно. По тому что рѣки у нихъ чрезвычайно богаты рыбами, а лѣса не меньше дикими звѣрями. Кто занимается хозяйствомъ, тотъ, при столь большомъ изобиліи пастбищъ, съ небольшимъ трудомъ можетъ держать много скота. Они весьма много употребляютъ мяса говяжьяго, свинаго и бараньяго, а отъ телятины постоянно воздерживаются. Зайцевъ, лосей и дикихъ коней повсюду большое множество, но оленей совершенно нѣтъ.

Всякую пищу они приправляютъ лукомъ и чеснокомъ, и этѣ приправы употребляютъ постоянно, пренебрегая тѣми, которыми пользуются другіе народы съ болѣе развитымъ вкусомъ.

Съ жареным мясомъ они употребляютъ соленыя сливы вмѣсто лимоновъ; однако, послѣдніе, привезенные купцами, они считаютъ за лакомство при рыбахъ и другой пищѣ. Употребленіе вина у нихъ очень рѣдко, по тому что виноградъ не родится въ Московіи. За самымъ столомъ Великаго Князя намъ предложенъ былъ только единственный стаканъ вина.

У нихъ есть свой особенный напитокъ, но довольно пріятный, который они дѣлаютъ изъ меда, воды и хмеля; иногда даже приправляютъ его ароматами, или какими ни будь плодами; обыкновенно такіе напитки называютъ медами (Medones). У самого Князя они бываютъ бѣлаго и краснаго цвѣта, и такъ превосходны, что поспорятъ съ нашей мальвазіей; но такъ какъ этотъ напитокъ холодный, то они употребляютъ за завтракомъ и обѣдомъ чаще горячее вино (vino adusto), которое, какъ они думаютъ, приличнѣе для ихъ желудка и очень много помогаетъ пищеваренію, такъ какъ они не имѣютъ нашего вина и живутъ въ самыхъ холодныхъ странахъ.

Бѣднѣйшіе, кромѣ того, дѣлаютъ другой напитокъ изъ закваски и воды и называютъ его квасомъ (Quassen); довольствуясь однимъ только чернымъ хлѣбомъ, они очень рѣдко питаются мясомъ.

Дома знатныхъ и городскихъ жителей малы и по большей части крытые соломой. Всѣ комнаты, которыя мы видѣли въ цѣлой Московіи, печей не имѣютъ. Такъ какъ у нихъ печи бываютъ только для приготовленія пищи и хлѣба, то все наполняется дымомъ; а какъ люди и скотъ находятся вмѣстѣ, то все очень грязно. Вмѣсто оконъ они употребляютъ льняной холстъ, пропитанный масломъ для того, чтобы туда проникало больше свѣта, либо бычачьи пузыри, по тому что стекла у нихъ совсѣмъ нѣтъ.

Въ областяхъ Псковской и Новгородской находится камень, удобно раскалываемый, изъ котораго обыкновенно дѣлаютъ окна, также до удивленія прозрачные свѣтильники (фонари).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О монетѣ.

Счетъ и монета у Москвитянъ совершенно сбивчивы, какъ и все остальное. Такъ какъ они не имѣютъ никакихъ рудниковъ, ни золотыхъ, ни серебряныхъ, то покупаютъ наши золотыя, или серебряныя, монеты у нашихъ, не менѣе какъ и другіе товары, и наконецъ чеканятъ изъ нихъ свою. И такъ цѣна ихъ не одинакова. Иногда за золотую монету, которую мы называемъ Угорской (Ungaricum), даютъ только сотню крестовиковъ (cruciferi), къ которымъ, однако, обыкновенно прибавляютъ восемь или и больше. Если замѣтятъ, что мы нуждаемся въ ихъ монетѣ, то при обмѣнѣ, сколько только могутъ, обманываютъ насъ, такъ какъ это народъ жадный. Такъ за одинъ ефимокъ (pro Ioachimico) иногда даютъ 66, а иногда и 69 крестовиковъ (крейцеровъ).

Въ торговлѣ употребляютъ часто названіе рубль (rubiorum): откуда это слово, я отыскать не могъ. Но рубль не есть названіе извѣстной монеты, такъ какъ 100 Новгородскихъ монетъ составляютъ 1 рубль. Если обратиться къ нашему вычисленію, то онъ будетъ заключать въ себѣ 3 Рейнскихъ флорина и 20 крестовиковъ.

Новгородская монета, которая стóитъ 2 крестовика, у нихъ въ величайшемъ употребленіи и выдѣлывается изъ нашего серебра очень многими золотыхъ дѣлъ мастерами въ нѣсколькихъ главныхъ городахъ. Она имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе человѣка, сидящаго на конѣ, а на другой титулъ Великаго Князя, что по Латыни звучитъ такъ: «Czar et Magnus Dux, Ivan, totius Russiae.» Однако на болѣе древнихъ слóва «Царь» не находится. Съ тѣмъ же самымъ изображеніемъ и надписью они обыкновенно чеканятъ золотую монету, но очень рѣдко; она гораздо легче и меньше нашихъ Угорскихъ.

Деньга (Denga) содержитъ въ себѣ половину Новгородской монеты, стоитъ одинъ крестовикъ, и такой же формы. Три Новгородки называются особеннымъ именемъ «алтынъ» (Altin).

Кромѣ того у нихъ есть какія-то мѣдныя монетки, которыхъ за нашъ крестовикъ или одну деньгу (отъ которой и названіе свое имѣютъ деньги) даютъ 12; но ихъ мало употребляютъ, и онѣ по большей части собираются для просящихъ милостыню. Отъ

нашихъ монетъ чернь, особенно въ небольшихъ городахъ, очень удерживается изъ боязни быть обманутой.

Итакъ приходящіе туда наши земляки съ этой стороны испытываютъ не малое затрудненіе. А купцы соблюдаютъ древній обычай, и съ Москвитянами по большей части ведутъ мѣновую торговлю, выставляя товары за товары, что для тѣхъ и другихъ очень удобно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О механическихъ искуствахъ и земледѣліи.

Только въ одной столицѣ Московіи живутъ болѣе искусные мастера, которые, однако, по большей части Нѣмцы (Germani); въ другихъ же мѣстахъ, кромѣ портныхъ и сапожниковъ, почти нѣтъ никакихъ. По тому остальной народъ (vulgus) занимается либо торговлей, либо же земледѣліемъ. Торговцы, скупивши отовсюду мѣха, воскъ и другіе предметы, которыхъ дома имѣютъ въ изобиліи, мѣняютъ ихъ на сукна и ароматы, и эти товары продаютъ уже своимъ согражданамъ на деньги. Остальные почти всѣ занимаются земледѣліемъ. Положеніе же крестьянъ (rusticorum) самое жалкое: ихъ принуждаютъ платить по нѣсколько денегъ каждую недѣлю Великому Князю и своимъ господамъ; они имѣютъ скотъ, плоды и, кромѣ того, что ни будь изъ сельскихъ вещей; отказывая себѣ во всемъ, они продаютъ ихъ сосѣднимъ гражданамъ, а сами, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, довольствуются чернымъ хлѣбомъ, живутъ очень бѣдно, одѣваются въ толстѣйшее сукно и сами себѣ дѣлаютъ обувь изъ древесной коры (лапти), чтобы только не нуждаться въ работѣ сапожниковъ. Итакъ, находясь въ такомъ рабствѣ, они заботятся только о томъ, чтобы прожить настоящій день, не прилагая большаго старанія къ обработыванію полей; для ихъ бороньбы сколачиваютъ сучья и ими разбиваютъ комья; однако плодородіе и обширность земли дѣлаютъ то, что поля, воздѣланныя, по меньшей мѣрѣ посредственно, приносятъ обильные плоды. Сжатый во время хлѣбъ они или складываютъ въ копны, или кладутъ въ видѣ шалашей, растянутыхъ рядомъ въ формѣ лѣстницы, чтобы онъ просохъ отъ воздуха и вѣтра. Способъ молотьбы слѣдующій: хлѣбъ сушатъ въ какихъ-то маленькихъ шалашахъ (овинахъ), своды которыхъ нагрѣваются; пользу

этого они доказываютъ тѣмъ, что если хлѣбъ такимъ образомъ и затвердѣетъ отъ дыма, то онъ безъ всякаго поврежденія можетъ сохраняться многія лѣта въ хлѣбныхъ амбарахъ, хотя бы никогда не трогался, какъ обыкновенно бываетъ у насъ. Это подтверждаютъ также и Ливонцы, соблюдающіе тотъ же самый способъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ устроены для молотьбы гумна (areas); но люди простого званія поливаютъ водой какое либо ровное мѣсто передъ тѣми шалашами, о которыхъ мы сказали, и на немъ, послѣ того, какъ оно отвердѣетъ отъ льда, выбиваютъ зерна хлѣба.

Мучныхъ мельницъ у рѣкъ, хотя ихъ можно было бы очень удобно устроить, у нихъ очень мало; по тому что всякій хозяинъ, пользуясь трудомъ служапокъ, двумя не очень большими круглыми камнями (жерновами), растираютъ зерна въ своемъ домѣ и приготовляютъ столько муки, сколько можетъ быть достаточно для него и его семейства.

Очень многимъ деревнямъ (pagis) Великій Князь даетъ свободу отъ тѣхъ тягостей, которыми обременяются другія, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы они всегда имѣли готовыхъ лошадей и даромъ въ достаточномъ количествѣ давали оныхъ тѣмъ, которые ѣдутъ отъ его имени. Эти деревни обыкновенно называются ямами (Janni),* отъ иманія (ab apprehensione). По тому всякому, кто ѣдетъ по казенной надобности (nomine publico), для скорости дозволяется брать новыхъ лошадей на этихъ мѣстахъ.

Мѣста такого рода отстоятъ другъ отъ друга почти на шесть миль, особенно по дорогѣ, идущей отъ пограничныхъ крѣпостей въ Московію. Итакъ, пользуясь этимъ удобствомъ, они часто совершаютъ величайшіе переѣзды, особенно если того требуетъ необходимость, и въ продолженіи немногихъ дней доносятъ Великому Князю, что дѣлается у сосѣдей.

Дороги на простомъ языкѣ раздѣляются на версты (Versti), а пять верстъ составляютъ одну Нѣмецкую милю.

Изъ тѣхъ же самыхъ деревень и иностраннымъ Посламъ даются лошади даромъ; хотя онѣ по большей части худощавы, питаются только сѣномъ и травой, однако переносятъ величайшіе труды.

---

* Ошибочно вм. «Jami,» а объясненіе совершенно ложно. О. Б.

Если какая ни будь лошадь такъ утомится, что дальше итн не можетъ, то у перваго встрѣчнаго берутъ другую.

Для того, чтобы лошади удобнѣе могли переходить мѣста, покрытыя льдомъ, имъ только къ передней части копыта прибиваютъ двумя гвоздями какое-то заостренное желѣзо (подкову).

Вмѣсто шпоръ по большей части употребляютъ кнутъ (scuticis), а ямщики (aurigae) побуждаютъ лошадей бѣжать свистомъ.

Никто не въѣзжаетъ въ Московію, чтобы объ этомъ тотчасъ не было донесено Великому Князю; если кто ни будь прибудетъ безъ дозволенія (absque salvo conductu), тотъ подвергаетъ себя величайшимъ опасностямъ и нѣкоторымъ образомъ задерживается какъ плѣнникъ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ точнѣе, какое онъ имѣетъ намѣреніе. Занимающіеся торговлей и ѣдущіе туда частнымъ образомъ терпятъ большія непріятности и большія затрудненія, такъ какъ постоялыхъ дворовъ никакихъ нѣтъ и едва за деньги можно достать хлѣба, а Посламъ припасы отпускаются отъ казны (ex publico).

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			Читайте:
Стр.	Строк.		
21 —	2	сверху: сына котораго умертвилъ, пошелъ войной на брата своего, Олега, и обратилъ его въ бѣгство, при чемъ, свалившись съ моста, послѣдній погибъ.	сына котораго умертвилъ братъ его Олегъ, пошелъ на него войной, при чемъ послѣдній погибъ, свалившись съ моста.
—	30	— изъ онаго, тотчасъ	изъ нея, то тотчасъ
5 —	13	— «нѣкоторые» лишнее.	
9 —	12	— провинится	случайно провинится
11 —	19	— на 22000	на 20000
13 и	14	снизу: пособія денежнаго	пособія и денегъ
15 —	9	сверху: рѣшался	рѣшился
22 —	7	снизу: многіе изъ нихъ	многихъ изъ нихъ
23 —	6	сверху: отъ	изъ
30 —	12	— въ клѣткахъ	въ клѣткѣ
32 —	16	— никого	никакого
35 —	10	снизу: возносятся	выносятся
37 —	12	снизу: а больнымъ	и раздѣляютъ его больнымъ
45 —	19	— не убѣжденъ	убѣжденъ.